

ЗАГАДКИ ИСТОРИИ

FOLIO

ЗНАМЕНИТЫЕ МИСТИФИКАЦИИ

БИБЛИОТЕКА ИВАНА ГРОЗНОГО • ШЕКСПИР
АЛЕКСАНДР I • ЭОАНТРОП • КОРАБЛИ-ПРИЗРАКИ
ЛИТЕРАТУРНЫЕ МИСТИФИКАЦИИ

Загадки истории (Фолио)

Оксана Балазанова

Знаменитые мистификации

«Фолио»

2009

Балазанова О. Е.

Знаменитые мистификации / О. Е. Балазанова — «Фолио»,
2009 — (Загадки истории (Фолио))

Мистификации всегда привлекали и будут привлекать к себе интерес ученых, историков и простых обывателей. Иногда тайное становится явным, и тогда загадка или казавшееся великим открытие становится просто обманом, так, как это было, например, с «пилтдаунским человеком», считавшимся некоторое время промежуточным звеном в эволюционной цепочке, или же с многочисленными и нередко очень талантливыми литературными мистификациями. Но нередко все попытки дать однозначный ответ так и остаются безуспешными. Существовала ли, например, библиотека Ивана Грозного из тысяч бесценных фолиантов? Кто на самом деле был автором бессмертных пьес Уильяма Шекспира – собственно человек по имени Уильям Шекспир или кто-то другой? Какова судьба российского императора Александра I? Действительно ли он скончался, как гласит официальная версия, в 1825 году в Таганроге, или же он, инсценировав собственную смерть, попытался скрыться от мирской суеты? Об этих и других знаменитых мистификациях, о версиях, предположениях и реальных фактах читатель узнает из этой книги.

Содержание

История Исчезнувшей библиотеки Ивана Грозного	5
Миф или реальность?	5
Список использованной литературы	25
Кто вы, господин Шекспир?	26
Биография	26
Творчество барда	28
Проблема авторства	34
Конец ознакомительного фрагмента.	56

О. Е. Балазанова

Знаменитые мистификации

История Исчезнувшей библиотеки Ивана Грозного

Нетрудно понять, почему легенда заслужила большее уважение, чем история. Легенду творит вся деревня – книгу пишет одинокий сумасшедший.

Гилберт Честертон

Миф или реальность?

Тайна библиотеки Ивана Грозного, которая, по преданию, была привезена в 1472 году в Москву Софьей Палеолог – второй женой московского царя Ивана III, не дает покоя историкам и археологам уже не одно столетие. Пропавшую библиотеку искали в Московском Кремле, в Александровской слободе, тщательно перебирали камень за камнем при строительстве комплекса на Охотном ряду. Однако поиски не увенчались успехом. Легенды о библиотеке Ивана Грозного существуют в России уже несколько веков. Это – величайшая книжная сокровищница. Многие ученые занимались ее поисками, по крупицам собирали упоминания о ней. А загадка ее исчезновения будоражит умы многих людей даже по прошествии веков. Так что же такое «библиотека Ивана Грозного» – реальность или великая мистификация?

Несколько столетий поисков, сотни книг и статей, авантюрных экспедиций и затратных исследований, можно сказать, так и не приблизили нас к разгадке тайны уникальной книжной коллекции. Дело осложняется тем, что часть исследователей – и в прошлом, и из числа нынешних – не всегда четко представляли себе, что именно они ищут. Ведь в обывательском представлении библиотека русских царей – это почти наверняка тысячи редких книг больших форматов и внушительной толщины.

Между тем, если придерживаться исторических реалий, то даже самые крупные частные библиотеки того времени почти никогда не насчитывали больше нескольких сот томов. С учетом стоимости каждого из них такая библиотека могла считаться поистине огромной – книги были очень дороги, и собирать коллекцию могли себе позволить лишь очень состоятельные государи либо богатые монастыри.

Первым источником сведений о наличии библиотеки является русская летопись. Следующим же источником, гораздо более полным, по которому можно судить о существовании книжногоклада в Кремле, стало свидетельство Максима Грека.

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА. Максим Грек (в миру Михаил Триволис) (ок. 1475–1556) – публицист, богослов, философ, переводчик, филолог. В юности жил в Италии, где сблизился со многими видными гуманистами. Под влиянием проповедей Дж. Савонаролы пережил нравственный переворот, вернулся в Грецию ок. 1507 г. и постригся в монахи на Афоне. В 1518 г. приехал из Ватопедского монастыря на св. Афоне в Русское государство по приглашению Василия Ивановича. Сблизился с церковной оппозицией; был осужден на соборах 1525 и 1531 годов.

Итак, как мы видим из исторической справки, в 1518 году по приглашению Василия III в столицу приезжает монах Максим по прозвищу Грек. Его пригласили для перевода с греческого языка «Толковой Псалтыри». Монах на свою беду оказался слишком грамотным и обна-

ружил множество разночтений оригинального текста Псалтыри с теми, которые уже были распространены на Руси. Московскому духовенству это не понравилось. К тому же Грек развил бурную деятельность: он выступал сторонником «бедной, но чистой церкви», обличал православных иерархов и настоятелей монастырей в стяжательстве. В завершение же своих «прегрешений» Грек возмутился поступком Василия III, который развелся с первой женой и собрался жениться еще раз. В результате монаха отлучили от «книжного дела» и заточили в монастыре, обвинив в ереси, шпионаже и неповиновении властям.

Примерно через 100 лет после приезда Софьи Палеолог неизвестным автором было написано «Сказание о Максиме», в котором повествуется о том, как великий князь Василий Иванович на четырнадцатом году своего правления «отверзе царские сокровища древних великих князей прародителей своих и обрете в некоторых палатах бесчисленное множество греческих книг, словенским же людям отнюдь неразумны». В сказании подробно описывается, в какой восторг от этих книг пришел Максим Грек. Правда, надо признать, что сам Грек, оставивший более трех томов сочинений, включая и автобиографические сведения, никогда не упоминал о Либере¹.

Прямых и косвенных свидетельств об этой античной библиотеке вообще сохранилось крайне мало. Что дает повод многим исследователям даже утверждать, что и библиотеки-то никакой не было. Мол, баснословно дорогое это удовольствие было в те времена – коллекционировать книги. Поэтому если и держал кто-нибудь дома Библию да травник, то уже считался библиофилом. Но, на наш взгляд, это не совсем верная точка зрения.

Косвенным подтверждением существования царской библиотеки является то, что в Московском государстве у бояр, духовенства, богатых людей все-таки были достаточно обширные собственные библиотеки. В домах московских бояр можно было найти книги Священного Писания, житийную литературу, сочинения отцов церкви, книги по вопросам мироздания в представлениях того времени, историческую и другую литературу. Например, в библиотеке бояр Строгановых в 1578 году было 208 книг. В большинстве это рукописи религиозного содержания, но были и философские и исторические книги. Среди печатных книг этой библиотеки имелись, в частности, и литовские издания.

В библиотеках образованных людей того времени хранились также труды по медицине, книги по географии и травники, исторические хроники и произведения таких известных историков, как Гваньини, М. Бельский или Стрыйковский, и разные словари, рассчитанные на всех читателей – от самоучек до профессиональных переводчиков. Тут и «Славяно-греко-латинский словарь» Епифания Славинецкого, и словарь Симеона Полоцкого, и «Лексикон языков польского и славянского скорого ради изобретения и уразумения», составитель которого специально оговаривал смысл своего труда – «в общую пользу обоих в единстве народов».

Что же касается библиотеки Ивана Грозного, то она, как считают исследователи, должна была состоять, как сейчас принято говорить, из двух типов «поступлений». Первый источник, как мы уже упоминали, ставший основой библиотеки, – это книги, привезенные из Византии Софьей Палеолог в приданое московскому царю Ивану III, и второй – архив самого Ивана IV Грозного, ее внука.

Иван Грозный собирал сокровища всю жизнь. В том числе и книги. Наверное, трудно вообразить себе царя-садиста расположившимся в кресле с книжкой. А потому трудно представить, что он вообще мог коллекционировать книги. Но надо учесть, что царь Иван IV был не всегда Грозным. Кроме того, он был, несомненно, «художественной натурой», например, сочинял псалмы, а также любил и умел писать письма. А мрачные перемены начались после того, как Ивану IV исполнилось тридцать, когда у него стало развиваться тяжелое психиче-

¹ Популярное название библиотеки Ивана Грозного (от латинского слова – «книгохранилище»).

ское заболевание, паранойя, как считают современные врачи-психиатры. Безусловно, состояние царя усугубила смерть любимой жены – Анастасии Романовны.

Современники запомнили его образованнейшим человеком. Например, князь Шаховской, лично знавший Ивана Грозного, писал о нем так: «Муж чуждаго рассуждения, в науке книжного поучения доволен и многоречив зело». А такой человек вполне мог любить и ценить книги, тем более редкие. Каждая из таких книг была настоящим произведением искусства – деревянные, обтянутые кожей или тканью обложки, часто украшенные металлическими уголками, нередко с драгоценным окладом. Книга обязательно имела металлические застёжки. Они плотно закрывали ее, не давая растрепаться и ветшать.

Как видим, «резонов» у царя Ивана Грозного ценить и собирать книги было предостаточно. Но тогда возникает другой вопрос: зачем вообще надо было прятать библиотеку? Причин может быть несколько.

Во-первых, частые пожары в деревянной Москве, уничтожавшие ежегодно целые районы, а то и весь город, требовали надежного укрытия бесценных книг от смертоносного пламени. Во-вторых, редкие экземпляры, стоившие немалых денег, могли попросту выкрасть. Кроме московского царя в Европе было немало богатых и знатных людей, чьи агенты охотились за сокровищами такого рода. В-третьих, личность самого царя Ивана, отличавшегося невероятной подозрительностью, заставляла его прятать и перепрятывать сокровища казны, в том числе и библиотеку. Время его царствования было весьма беспокойным. Боясь заговоров и покушений, царь надолго уезжал из Москвы, увозя с собой большие обозы. Что было в этих обозах, никто не знает.

Интересную версию о «замуровании» библиотеки в «подвалах» высказал историк и этнограф А. А. Зимин. Русское движение за реформу церкви, как справедливо подмечал Зимин, проявляло глубокий интерес к античной литературе. Русские ересиархи широко использовали в своих трудах книги Меланктона, Светония, Иосифа Флавия и др. Разгром «жидовствующих» в начале XVI столетия также мог способствовать сокрытию великими князьями московскими «еретических» книг – подальше от «греха».

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА. «Жидовствующие» – новгородско-московская ересь, движение конца XV– начала XVI вв. в Новгороде и Москве. Отрицала авторитет церкви и церковные обряды, отвергала многие догматы православия. Сторонники ереси использовались Иваном III в борьбе с боярством и церковью; с укреплением самодержавной власти подверглись гонениям.

Исходя из этого, многие исследователи считают, что если библиотека Ивана Грозного и сохранилась – а вовсе пропасть она не могла, поскольку хорошо выделанный пергамент сохраняется долго, – то искать ее нужно не в Москве. Опасаясь коварства придворных, царь Иван IV мог, к примеру, вывезти ее в Александровскую слободу, где находилась его резиденция. Внезапная же смерть Ивана Грозного, случившаяся, как известно, во время игры в шахматы, оборвала связь с хранимыми им ценностями. По-видимому, очень немногие люди знали, где находилась библиотека на момент его смерти. Одним словом, после смерти Ивана IV и последовавшим затем Смутным временем, местонахождение библиотеки московских государей, собиравшейся несколькими поколениями Рюриковичей, было окончательно утеряно.

Итак, мы пришли к выводу, что все свои богатства Грозный должен был прятать. Где же именно? Государь разместил свои сокровища и скарб частью в Москве, частью в безопасных и укрепленных монастырях, прежде всего в селе Коломенском – знаменитом подмосковном имении Ивана Грозного и месте его рождения. Возможно также, что кое-что скрыто в Троице-Сергиевой лавре. И наконец – Московский подземный Кремль. Здесь и нигде больше, по

всем историческим данным им была спрятана не только большая и лучшая часть богатства, но и «бесценное сокровище» – библиотека.

Так сказать, «прототипом» библиотеки царя Ивана Грозного послужила первая по времени на Руси библиотека Ярослава Мудрого, скрытая в подземных тайниках Софии Киевской. Часть книг этой библиотеки, преимущественно светского содержания, была скуплена Грозным в 1554 году и вывезена в Москву. К этому ценному приобретению Грозный, со свойственной ему жадностью, прибавлял книги всю свою жизнь. Он выпрашивал их – как, например, у датского короля Христиана, захватывал по праву завоевания – как северо-немецкие книги и ганзейские гравюры в Новгороде, Пскове, Дерпте², а чаще скупал – через своих послов за границей, не жалея никаких денег. И все же мы вновь повторимся, что, по мнению большинства историков, основой Либереи стало приданое Софьи Палеолог.

Софья Палеолог – вторая супруга великого князя Ивана III, сыграла немаловажную роль в истории Московского государства. Она была дочерью Фомы, родного брата последнего византийского императора Константина. После падения Византии Фома нашел убежище в Риме; после смерти своей он оставил двоих сыновей и дочь Зою, впоследствии в России получившую имя Софья. Папа Павел II задумал избрать Зою орудием своих замыслов – восстановить флорентийское соединение церквей. Через грека, кардинала Виссариона, он начал сношения с Иваном III: в феврале 1469 года Виссарион отправил в Москву грека Юрия с предложением великому князю руки Софьи Палеолог. Ивану III пришлось по душе идея породниться с Палеологами, и он в следующем же месяце отправил в Рим своего посла итальянца Карла Фрязина, который повел дело очень удачно: он произвел на всех хорошее впечатление и усердно, вдали от Москвы и русских, исполнял в Риме все обряды католической церкви, скрыв, что сам давно принял православие. Уже в июне 1472 года Софья Палеолог выехала из Рима в Россию, а 1 октября гонец прискакал в Псков с приказом – готовиться к встрече будущей государыни. Встреча псковитянами и новгородцами была устроена торжественная, но Софья, не задерживаясь, поспешила в Москву.

Тридцать тяжелых подвод, груженных сундуками с книгами, следовали за византийской принцессой через всю Восточную Европу. В этих сундуках, как свидетельствуют современники, хранились не только рукописные сокровища времен античности, но и лучшее из того, что удалось спасти при пожаре знаменитой Александрийской библиотеки. Из императорского дворца в Константинополе в Москву были отправлены самые редкие папирусы времен египетских фараонов, глиняные клинописные таблички месопотамских царей, пергаменты из Финикии и Иудеи, рукописи мудрецов Индии и Китая, священные тексты Заратустры.

Именно тогда Софья впервые увидела последствия московского пожара 1470 года и поняла, что ее бесценные сокровища – книги – могут стать легкой добычей огня. И она вместе с братом Андреем спрятала книги в единственное безопасное, как ей тогда казалось, место – подвал под церковью Рождества Богородицы в Кремле. Но уже в апреле следующего года случился особенно страшный пожар – в Кремле выгорело все, что могло гореть. Досталось и церковной крыше, но огонь не преодолел камень. Книги чудом сохранились. И тогда царская чета решила превратить Кремль в неприступный средневековый замок с подъемными мостами, а книги поместить в каменном подземном сейфе.

Из Венеции был приглашен известный в то время архитектор Аристотель Фиораванти, который был лично знаком с Софьей. Именно он и его ученик Антонио Солари (Солярио) превратили Московский Кремль в неприступную крепость, обнеся его стеной, почти точной копией стены Миланского замка, который Аристотель строил в течение пяти предыдущих лет. Итальянец оказался мастером своего дела. Прежде чем начать строительство, он наладил выпуск кирпича и выжигание извести по неизвестной в Москве технологии, расчистил терри-

² *Дерпт* – старинное название Тарту.

торию Кремля, снес полуразвалившиеся постройки. Уже при постройке Успенского и Благовещенского соборов Фиораванти заложил подземелья и склепы. В дальнейшем он всегда пользовался таким приемом. Задание Софьи было выполнено. Книги сложили в каменный склеп, на железные двери навесили замки и... забыли на время об этом сокровище.

Надо сказать, что при всей стройности версии о византийском происхождении библиотеки Ивана Грозного некоторые факты заставляют усомниться в том, что ядро книжной коллекции было положено именно греческой царевной. Так, по крайней мере, считают некоторые исследователи, и они выдвигают целый ряд сомнений.

Сомнение первое

Источники отмечают, что в Москву Зоя прибыла в сопровождении большого обоза с приданным. Тем не менее, сама Зоя была бедна, она, можно так сказать, просто обязана была быть бедной. У Мануила Палеолога было шесть сыновей. Из них Фома (отец Софьи) – предпоследний (или последний). Константин (четвертый по счету сын и последний император) погиб во время штурма Константинополя. Поскольку осады города были и ранее (и благополучно отбивались), вряд ли императорскую библиотеку вывезли из Константинополя накануне штурма. Да и куда было вывозить? Последний брат последнего императора – Дмитрий Палеолог (дядя Софьи) – проживал в Константинополе и при султанах, причем во дворце. Если от императорской библиотеки что-то и осталось, то это было конфисковано султаном Мехметом Фатихом, а всем прочим мог распоряжаться Дмитрий Палеолог. Сама Зоя вместе со своим отцом, морейским деспотом Фомой Палеологом, и матерью Екатериной Заккарией бежала в Рим под защиту папы. Что могло остаться на долю Фомы? Только его личное собрание книг (возможно небольшое, но все же не императорская библиотека), которое он мог собирать у себя в Морее. Но и у него было достаточно детей, а именно: две дочери и два сына. Причем один сын – Мануил – принял мусульманство и вернулся в Константинополь. Зоя осталась сиротой не в столь нежном возрасте, как об этом пишут в учебниках, – ее отец умер, когда дочери было 22 года. Понятно, что, поспешно покидая Константинополь, семья младших Палеологов вряд ли успела вывести обширную коллекцию книг. И так же трудно себе представить, что, лишенные доходов, фактически полностью зависевшие от милостей папы, за годы изгнания они не обратили бы хотя бы часть книг из своей коллекции в звонкую монету.

Что касается обоза с подарками, который привезла с собой в Москву Зоя, то это был скорее дары папы великому князю, чтобы склонить Ивана к церковной унии с католической церковью. Так что надеяться на то, что Софья с собой привезла в Москву действительно грандиозную коллекцию греческих и латинских книг, ранее принадлежавшую византийским императорам, пожалуй, не приходится.

В 1565 году, со слов побывавших в России при Иване Грозном дерптского пастора Иоганна Веттермана и дипломата Шреффера стало известно, что царь Иван IV показал Веттерману библиотеку и попросил его перевести на русский находящиеся в ней книги. Кроме того, известная переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским обнаруживает хорошее знание царем классической литературы.

Существование библиотеки как таковой подтверждается еще несколькими источниками. Сначала было свидетельство Максима Грека о книгах библиотеки московского царя, увиденных им после приезда в Россию. Следующим, кто подтвердил существование библиотеки, был дьяк Макарьев, который по заданию юной дочери царя Алексея Михайловича Романова Софьи обследовал подземные ходы Кремля. Он видел в тоннеле, ведущем из Тайницкой башни через весь Кремль под Арсенальную, в одной из камер размером 6×9 м через маленькое окошко над железной дверью большое количество кованых сундуков. Камера была доверху набита этими сундуками. Царевна взяла слово с Макарьева молчать до гробовой доски. И он молчал, пока Софья была жива. Тайну Макарьев открыл перед своей смертью звонарю с Пресни Конону Осипову, который и стал первым «либерееискателем».

Первые поиски палат с сундуками Осипов предпринял в 1718 году. С разрешения главы Преображенского приказа князя Ромодановского под Тайницкой башней, используя момент, когда рабочие по приказу Петра I копали рвы для фундамента будущего Арсенала, он расчистил две лестницы, по которым и спустился в подземный ход. И сверху он даже наткнулся на перекрытие этого тайника. Для дальнейшего продвижения надо было укреплять своды подземной галереи. Однако подьячие, приставленные к пономарю, далее идти ему не велели. В 1724 году донесение пономаря о «драгоценной поклаже» в подземном Кремле дошло до Петра I, и тот приказал провести тщательные розыски. Но из-за смерти императора работы в Угловой Арсенальной башне застопорились. При царице Анне Ивановне пономарь пытался перерезать подземный ход с земли, но это оказалось невыполнимо в силу ряда технических причин.

«Зачарованным кладом» называют пропавшую библиотеку Ивана Грозного. Существует множество версий о том, где же именно мог спрятать царь свои сокровища. В числе неопровержимых «фактов», которыми часто руководствуются искатели царских сокровищ, один занимает особое место. Речь идет об указателе книг из библиотеки русских царей, известном как «список Дабелова».

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА. Профессор Христиан Дабелов (1768–1830), специалист в области римского и германского права, в 1806–1807 гг. работал в библиотеках и архивах Италии и Франции, а в 1813 г. – Геттингена и Гейдельберга. В 1818 г. он стал профессором Дерптского университета, где продолжил свои научные изыскания. Среди его работ наиболее известными являются «Очерки по истории Римского государства и его права», «Историко-догматические очерки древнегерманского частного права», «Древнеримское право» (1822) и др.

В 1822 году в статье «О юридическом факультете в Дерпте» Дабелов опубликовал выдержку из документа, названного им «Указателем неизвестного лица». Это – список рукописей юридического содержания, некогда находившихся в библиотеке русского царя. В своей статье Дабелов утверждает, что после приезда в Дерпт в процессе архивных разысканий этот список был им обнаружен среди неопубликованных бумаг. На находку серьезного ученого немедленно обратили внимание, правда, не в России, а за рубежом. Подавляющее большинство комментаторов безоговорочно приняли сообщение Дабелова, и лишь какой-то скептик в журнале, издававшемся в Галле, высказал удивление по поводу доверия профессора к содержанию обнаруженной «Записки анонима».

Сообщение Дабелова, вероятно, так и затерялось бы на многие годы, если бы им не заинтересовался молодой ученый Фридрих-Вальтер Клоссиус (1795–1838). Он изучал право в Тюбингенском университете и к тому времени снискал в ученых кругах авторитет своим открытием в миланской Амброзианской библиотеке новых отрывков из «Юридического кодекса» византийского императора Феодосия. В 1824 году Клоссиус приехал в Дерпт и в апреле того же года стал ординарным профессором кафедры уголовного судопроизводства, истории, права и юридической словесности. Здесь он и познакомился с Дабеловым и его находкой.

Уже в ноябре 1824 года в письме к одному из своих коллег Клоссиус сообщал, что «существует рукописный каталог библиотеки князя Ивана Васильевича Великого, супруга принцессы Софьи, племянницы последнего греческого императора. Этот князь купил много рукописей на Востоке». В письме к другому знакомому, от 6 мая 1826 года, Клоссиус вновь указал на этот «каталог».

Возможно, все эти «мелочи» так бы и остались неизвестными, если бы в 1834 году, незадолго до своей смерти, Клоссиус не опубликовал статью «Библиотека великого князя Василия (IV) Иоанновича и царя Иоанна (IV) Васильевича». В ней были расставлены все точки над

і. Впервые была опубликована «Записка анонима» и подробный рассказ о ее находке. Миру явили если не потерянную библиотеку московских царей, то, по крайней мере, подробное ее описание.

По словам Клоссиуса, Дабелов в Дерпте занимался поиском материалов по истории ливонского права и «получал с разных сторон документы, которые сообщались ему частью от разных посторонних лиц». В 1826 году Клоссиус узнал от Дабелова, что среди этих бумаг находились четыре «связки или тетради», обозначенные им как «*Collectania Pernaviensia*». Одна из них «была писана не одною рукою, а разными почерками, на бумаге разных форматов, большего и меньшего, и, по-видимому, состояла из документов, которые были сшиты вместе без всякого порядка». Среди этих документов, относящихся к истории Дерпта и Пярну, «находилось на 1,5 или 2 листах известие одного дерптского пастора, который имел в своих руках рукописи московского царя». Оно «было написано на простонародном немецком наречии... мелкими буквами и чрезвычайно нечетко, желтыми некрасивыми чернилами и на бумаге, также совсем пожелтелой».

Далее самое главное: Клоссиус приводит текст сообщения дерптского пастора, переданный ему Дабеловым: «Сколько у царя рукописей с Востока. Таковых было всего до 800, которые частью он купил, частью получил в дар. Большая часть суть греческие, но также много и латинских. Из латинских видены мною: Ливиевы истории, которые я должен был перевести. Цицеронова книга *De republica* и 8 книг *Historiarum*. Светониевы истории о царях, также мною переведенные. Тацитовы истории. Ульпиана, Палиниана, Павла и т. д. Книга Римских законов. Юстиниановы истории. Кодекс конституций императора Феодосия. Вергилия Энеида и *Ith. Calvi orationes et poem.* Юстинианов кодекс конституций и кодекс новелл. Сии манускрипты писаны на тонком пергамене и имеют золотые переплеты. Мне сказывал также царь, что они достались ему от самого императора и что он желает иметь перевод оных, чего, однако, я не был в состоянии сделать. Саллюст[ия] Югурт[инская] война и сатиры Сира. Цезаря комментарий *de bello Gallico* и Кодра *Epithalam.* Греческие рукописи, которые я видел, были: Полибиевы истории. Аристофановы комедии. *Basilica* и *Novellae Constitutiones*, каждая рукопись также в переплете. Пиндаровы стихотворения. Гелиотропов *Gynothaet.* Гефестионовы *Geographica.* Феодора, Афанасия, *Lamoretii* и других толкования новелл. Юстин[иановы] зак[оны] аграр[ные]. *Zamolei Matheimtica.* Стефанов перевод пандектов...реч (и) и... *Nydr.* ...пиловы Истории. Кедр?...*Char* и эпиграммы *Nuphias* Нехарод и *Evt*».

Далее в своей статье Клоссиус писал, что по приезде в Дерпт в 1824 году первым делом бросился на розыски оригинала «Рукописи профессора Дабелова», «ибо я предполагал вместе с г. профессором Дабеловым, что оный находится в архиве перновского городского совета». Однако поиски оказались тщетными: даже старые архивисты не могли припомнить указанной связки. Не значилась она и ни в одной из описей. «Осведомления мои в других местах остались без всякого успеха... я принужден был вовсе отказаться от надежды увидеть собственными глазами этот достопримечательный документ», – писал Клоссиус.

На смену Клоссиусу пришли другие энтузиасты. В конце XIX века ученый из Страсбурга Эдуард Тремер, заручившись поддержкой императора Александра III, специальным зондом исследовал землю под сооружениями Московского Кремля. Большая надежда возлагалась на подклоточный этаж теремного дворца, возведенного над белокаменными погребями. Под горами мусора и бочками с дегтем была обнаружена небольшая дворцовая церковь, но... Уезжая из России Э. Тремер сказал: «Наука поздравит Россию, если ей удастся отыскать свой затерянный клад».

Сомнение второе

При слове «библиотека» нам представляются длинные ряды полок, заставленных книгами. Но в эпоху Ивана III, как, впрочем, и в XVI веке на Руси, как и в Европе, было еще довольно мало бумажных книг. В библиотеках могли хранить в основном лишь пергаментные

свитки – книги, то есть редкие, дорогие и штучные реликвии, практически у каждой из которых можно проследить своеобразную «биографию» – откуда она взялась и куда делась. Поэтому неучтенных книжек может быть сотни две – не больше, что никак не подходит под грандиозное описание «хранилищницы мировой мудрости» – огромной Либереи Ивана Грозного.

Но это еще не все. Обратимся к логике и построим свое предположение. По описаниям, в библиотеке хранились самые редкие папирусы времен египетских фараонов, глиняные клинописные таблички месопотамских царей, пергаменты из Финикии и Иудеи, рукописи мудрецов Индии и Китая, священные тексты Заратустры. Но ведь в то время на Руси никто не мог расшифровать глиняные таблички и древние иероглифы Египта и Китая, не говоря уже о том, чтобы оценить философию Заратустры или вообще понять, в чем заключается ценность клинописных и прочих древних текстов, расшифрованных только в XIX веке.

Итак, в 1834 году научная общественность получила возможность познакомиться с обширным перечнем книг библиотеки московского царя. Этот перечень произвел сильнейшее впечатление. «Рукопись профессора Дабелова» сообщала о способе комплектования библиотеки московского царя (за счет дарений и покупки); становилось известно общее число рукописей – до 800 (греческих и латинских); приводился перечень тех из них, которые наиболее заинтересовали дерптского пастора, причем назывались авторы и произведения, не только известные ученому миру («История» Тита Ливия, «Жизнь цезарей» Светония, «История» Тацита, «Энеида» Вергилия, «Югуртинская война» Саллюстия, «История» Полибия, «Комедии» Аристофана, «Песни» Пиндара), но и малоизвестные, а то и вовсе неизвестные («О республике» и 8 книг «Истории» Цицерона, «Оратории и поэмы» Кальвина, «Сатиры» драматурга Сира, «Корпус» Ульпиана, Папиана и Павла, «Gynothaet» Гелиотропа и др.).

Публикация была воспринята как исключительно добросовестное и тщательное исследование. Это была первая, наиболее полная работа о библиотеке Ивана Грозного и его отца. Она рассматривалась как достоверное свидетельство о рукописных богатствах, сохранявшихся в России на протяжении многих веков.

Сомнение третье

Так продолжалось до 90-х годов XIX века. Первым засомневался в подлинности «Рукописи профессора Дабелова» историк Н. П. Лихачев. 19 марта 1893 года он сделал доклад в Обществе любителей древней письменности о библиотеке московских царей. Коснувшись в нем «Записки анонима», он констатировал «странную забывчивость профессора Дабелова»: Лихачеву показалось подозрительным то обстоятельство, что Дабелов, имея на руках список, так и не предал огласке его содержание, да к тому же и «потерял» первоисточник, что уже совсем удивительно для столь опытного архивиста.

В книге, вышедшей спустя год после прочтения доклада, Лихачев подробно остановился на «Рукописи профессора Дабелова». Отметив неясность обстоятельств открытия и исчезновения оригинала, он особо подчеркнул другие факты, заставляющие, по его мнению, сомневаться в подлинности и достоверности этого источника. Обращало на себя внимание то, что ряд известий о сочинениях и авторах, имевшихся, согласно «Рукописи профессора Дабелова», в библиотеке московских царей, удивительно совпадает с тем, что стало известно об этих сочинениях и авторах в зарубежной научной литературе в 1822–1826 годах. Дабелов тщательно скопировал перечень книг библиотеки, вплоть до указания многоточием непрочитанных слов и даже отдельных букв оригинала, и в то же время не потрудился переписать начало рассказа неизвестного дерптского пастора. Более того, подчеркнул Лихачев, Дабелов не записал, а впоследствии «забыл» имя пастора, составившего каталог библиотеки, утверждая лишь, что им был не Веттерман. Сама забывчивость Дабелова относительно имени пастора, по мнению Лихачева, со скептической точки зрения объясняется тем, что Дабелову было хорошо известно, «с какой тщательностью немцы разрабатывают свою историю: у немцев и пасторы XVI столетия могли оказаться на счету».

Другой исследователь, историк С. А. Белокуров обратил внимание на то, что из «Записки анонима» абсолютно не ясно, о библиотеке какого московского царя в ней идет речь. «Записка» написана таким образом, что упоминаемый в ней царь может быть отнесен не только к XVI, но и к XVII и даже к XVIII веку. Весьма также странно, что не сохранился ни один из сделанных дерптским пастором переводов, о них нет вообще никаких упоминаний в известных источниках. Наконец, отметил Белокуров, «вселяет недоверие к рассказу» анонима сам перечень книг – только очень редких или известных по упоминаниям, хотя в царской библиотеке, судя по рассказу анонима, их было множество. По мнению Белокурова, некий фальсификатор «Рукописи профессора Дабелова» положил в ее основу известие Веттермана, впервые опубликованное в XVIII веке в труде историка И. Г. Арндта, а значит, изготовление подделки можно отнести к середине XVIII века, когда вышел в свет труд Арндта.

По предложению Белокурова в 1895 году прибалтийские ученые обратились через газету с просьбой помочь в поисках оригинала «Рукописи профессора Дабелова». Поиски оказались тщетными.

Тем не менее, колесо уже закрутилось. Многолетняя эпопея с поисками Либереи Ивана Грозного стартовала. Не остались в стороне и русские историки. Началась раскопка Кремля. Основание – уже упоминавшееся нами заявление пономаря московской церкви Иоанна Предтечи Конона Осипова. Как мы знаем, эти поиски ни к чему не привели.

В 1894 году князь Щербатов в надежде обнаружить библиотеку все лето и всю осень пытался исследовать подземный Кремль. Он раскопал двухъярусные подземелья под Троицкой башней, расчистил от глины и мусора тайный ход, соединяющий Угловую Арсенальную и Никольскую башни, а также подземный ход и такую же палату, случайно найденные у Никольской башни, но продолжению раскопок помешала смерть Александра III, а потом у казны не нашлось денег.

Вообще же поиски библиотеки велись на протяжении практически трех веков и не дали никакого результата. В XX веке также предпринимались неоднократные попытки найти библиотеку Ивана Грозного (И. Забелин, Н. Лихачев, А. Соболевский, И. Тихомиров). Пришедшие к власти большевики тоже оказались не чуждыми страсти кладоискательства. В начале 1930-х годов в подземельях Кремля были организованы поисковые работы, но в скором времени их приостановили. Произошло это сразу же после убийства секретаря ЦК и Ленинградского обкома партии Сергея Кирова. Но самым настойчивым оказался профессор Игнатий Яковлевич Стеллецкий.

Он заинтересовался библиотекой Грозного еще в 1908 году и в 1914 году даже добился разрешения на изучение подземелий кремлевских башен, но из-за Первой мировой войны работы пришлось прекратить. После Октябрьского переворота профессор Стеллецкий обращался в Моссовет, Наркомпрос, ЦИК, Совнарком и, наконец, в 1933 году подал докладную записку Сталину. Тот разрешил начать раскопки.

13 ноября 1933 года комендант Московского Кремля Р. А. Петерсон попросил археолога изложить «письменно и подробно», что собой представляет подземный Кремль и где может находиться библиотека.

«Из царских теремов, где-то из подвала, – объяснял Стеллецкий, – был спуск в подземелье – большую подземную палату, в какую расширялся ход между Благовещенским, Архангельским и Успенским соборами. Палата была наполнена ящиками с книгами, под нею имелось нижнее помещение (Веттерман говорил о подвалах с «двойными сводами», таковые в Кремле были встречены под Троицкой башней, из нижнего яруса подвалов шел подземный ход в Кремль.)... От библиотечной палаты ход направлялся в два противоположных конца: к Тайницкой и Собакиной (Угловой Арсенальной) башням.

Воротам наземным из Кремля соответствуют подземные: под Москву-реку из Тайницкой башни, в Китай-город из Спасской башни (через храм Василия Блаженного), из Николь-

ской башни под Исторический музей, в сторону Охотного ряда и Дмитровки и к Неглинке из Троицкой башни... На первом месте должны быть поставлены и в ударном темпе исследованы башни Угловая Арсенальная, Троицкая и Успенский собор, и вот почему.

Из Угловой Арсенальной башни... идут выходы за Кремль через соседние башни – Никольскую и Троицкую. Из этих двух в качестве первоочередной необходимо избрать Троицкую, так как из нее... должен быть выход в Занеглинье. В наличии такого хода не сомневался и Щербатов в 1894 году. За наличие здесь последнего говорит, наконец, и решение Ивана Грозного «осесть опричным двором» как раз напротив Троицкой башни. Очевидно, ее готовым тайником к реке, а не под нее, собирался воспользоваться Грозный. Под самую Неглинку, на соединение с каменным ходом, ведущим к реке, деревянный подземный ход наспех соорудил уже сам Грозный. Признаки этого хода мною обнаружены были в трех местах по линии его прохождения на месте бывшего Опричного двора [находился на углу Воздвиженки и Моховой. – *Авт.*] к Троицким воротам... По этому ходу Грозный мог тайно проходить с Опричного двора не только до библиотечной палаты и своего кремлевского дворца, но и до самого Замоскворечья...»

Раскопки в Угловой Арсенальной башне начались 1 декабря 1933 года. Так как вход в подземелье был замурован в начале XVIII века, спустаться пришлось через пролом в стене, устроенный еще Кононом Осиповым. Подземелье заполняли горы земли и мусора, среди которых виднелся полуразвалившийся колодезный сруб. На дне подземного хода (тогда по нему можно было пройти лишь 5 м), загроможденного досками, стояла вода.

Уже первые дни работы привели к интересным открытиям. По мнению историков, ход из Угловой Арсенальной башни был перерезан одним из столбов Арсенала, на которых покоится его фундамент. Начав пробивать этот «столб», Стеллецкий увидел, что свод подземного хода не поврежден. Как оказалось, тайный ход просто был заложен белокаменными глыбами на крепчайшем растворе. Пока рабочие выламывали эти глыбы, археолог пытался разгадать, что же находится за другими замурованными ходами и другими объектами, найденными в башне.

«Если подходить строго научным путем к делу, – писал он, – непременно нужно все размуровывать. Когда это строилось, то имело прямой смысл; потом оказалось лишним или ненужным, и его замуровали. Если замуровано самое простое окно, будем, по крайней мере, знать, что окно. А если там таинственные ступени или какая-нибудь другая чертовщина? Ведь дело имею со средневековьем, в котором тайн было хоть отбавляй! Кто гарантирует, что не закрыл все эти отверстия 70 лет спустя сам Грозный, чтобы скрыть какой бы то ни было доступ в подземелья Кремля, в которых замуровано было им наибольшее в свете сокровище культуры – библиотека?»

Вскрытие замурованных мест ничего сенсационного не дало, лишь в южной стене башенного подземелья обнаружили коридор, выводивший в Александровский сад (в древности тут была бойница «нижнего боя», а в царствование Анны Ивановны, когда подземелье башни и колодец ремонтировали, для подачи строительных материалов на месте бойницы устроили выход к реке Неглинке). Его Стеллецкий предполагал использовать для вывоза мусора.

«Имел интервью с Зиновьевым [техник гражданского отдела Управления коменданта Московского Кремля. – *Авт.*], которому в 1928–1929 гг. поручено было с политической целью исследовать подземный Кремль. Результаты: в Арсенальной башне вычистил колодец (рабочих спускал на канате)... В Троицкой башне устроил под склады две палаты, которые раскапывал Щербатов. В нижней залил дно цементом, не зная, что оттуда есть люк в более низкую. В Тайницкой башне засыпал... большой научной ценности колодец [из него, по мнению археолога, шел подземный ход под Москву-реку, в Замоскворечье. – *Авт.*], который я должен очистить», – записал археолог в дневнике 1 января 1934 года.

Когда в подземном ходе замурованную часть выломали на 1,5 метра, открылся короткий проход, из которого попадали на длинную лестницу, а по ней – на первый этаж Угловой Арсе-

нальной башни. Дальнейшие работы позволили реконструировать древний облик башенного подземелья.

С первого этажа по узкой внутристенной лестнице попадали на площадку размером в квадратный метр. В левой стене площадки обнаружили замурованную арку входа в подземелье длиной около 9 м. Оно было заполнено массивными белокаменными блоками. (Стеллецкий полагал, что из этого подземелья есть ход к Никольской башне. По непонятной причине тогда подземелье расчистили от блоков только на 3 м. В настоящее время вход в него замурован и покрыт слоем штукатурки.) С лестничной площадки проход выводил в высокую и широкую галерею, которая 8-метровой лестницей спускалась к колодцу в подземелье башни. Ответвление этого хода (собственно макарьевский тайник) было замуровано.

Пока рабочие продолжали крушить белокаменную замуровку, Стеллецкий не находил себе места. По его расчетам, тайник вот-вот должен был повернуть вправо, к кремлевской стене, и вдоль нее пойти в Кремль. «Имеет ли этот замурованный тайник ответвление под Кремль? Если нет, то сенсационные рассказы дядя Макарьева будут не чем иным, как пустой болтовней, на которую попались три правительства: Петра, Анны Ивановны и советское», – писал Стеллецкий.

Можно понять волнение археолога, ведь он не только сам поверил в существование хода из Угловой Арсенальной башни, но и убедил в этом Сталина. О каких-то репрессиях в случае неудачи ученый даже не думал. Больше всего он боялся не оправдать оказанного ему доверия: «Он (Сталин) проявил большое мужество и великодушие и доказал лишний раз, что он действительно человек необыкновенный... Когда Октавиан Август вместо того, чтоб казнить Ирода Великого, оказал ему полное доверие, то этим он привлек Ирода к себе навеки, превратив его в наивернейшего друга. И за высокое научное и всякое доверие современного Октавиана я чувствую себя в положении Ирода, охваченного чувствами приязни и преданности самими искренними».

29 января 1934 года, в день именин Игнатия Яковлевича, он получил самый дорогой подарок: на шестом метре белокаменной замуровки хода справа показалась белокаменная стена с кирпичным полом. «Стена, о которой я мечтал 25 лет, найдена, – торжествовал археолог, – я всегда был уверен, что из Арсенальной башни есть белокаменный ход под Кремль!»

Поскольку ширина хода была значительной (по Стеллецкому – 3 м), то для экономии времени и сил начали пробивать в белокаменной замуровке брешь шириной в метр.

Уже в феврале раскопки были приостановлены из-за того, что главный инженер гражданского отдела Управления коменданта Московского Кремля (УКМК) Палибин отправил рабочих на другой объект. Стеллецкий перенес свое внимание на Среднюю Арсенальную башню. Тут он отыскал полуразрушенные ступени засыпанной землей лестницы и «трубу» диаметром 70 см, которые уходили куда-то под Арсенал. Ни на старинных планах, ни на современных чертежах их не было...

Что до лестницы, то она, по мнению Стеллецкого, некогда вела в макарьевский тайник. А вот для чего была устроена «труба», археолог узнал из документов кремлевского архива. Оказалось, что в XVIII веке под Арсеналом существовал «подвал о 12 столбах». Это сооружение высотой 5 м и площадью 500 квадратных метров тянулось от Средней Арсенальной башни почти до конца Арсенала. Его предполагали использовать для хранения боеприпасов, а подавать на кремлевскую стену их должны были через упомянутую «трубу». Однако после пожара 1741 года подвал был забит землей.

13 февраля, когда белокаменная облицовка правой стены макарьевского тайника сменилась на кирпичную, ученый понял, что ход пошел вдоль кремлевской стены. Через два дня Стеллецкий получил еще одно подтверждение тому, что он работает в макарьевском тайнике. Конон Осипов в донесении Петру I упоминал о засыпке тайника «землею накрепко» строите-

лями Арсенала, которые случайно обнаружили подземный ход. А в расчищаемом ходе, когда рабочие выбрали всю белокаменную замуровку, они уперлись в утрамбованную землю.

Рабочие принялись расчищать тайник от земли. Вскоре в правой стене показалась громадная арка входа в какое-то помещение, забитое землей. Работа по его расчистке шла медленно, так как узкая брешь в замуровке позволяла убирать землю только вперекидку. Недовольный темпами работ, Стеллецкий, когда его помощники уходили на обед, работал в одиночку. Однажды он чуть не был погребен под громадными пластами рухнувшего грунта. К 27 февраля помещение очистили полностью. Это была разгрузочная арка (7×5×1,9), устроенная под кремлевской стеной. Археолог полагал, что в древности этот объем могли использовать как тайное хранилище.

К 3 марта земля в подземном ходе была выбрана, но дальше ход оказался забит песком. Через неделю башню обнесли забором, у ворот которого поставили часовых. Был открыт выход из подземелья, и рабочие принялись вывозить скопившиеся за века землю и мусор. Археолог тем временем продолжал раскапывать ход самостоятельно. Пройдя несколько метров, он уперся в каменную глыбу, свисавшую с потолка. Она закрывала большое отверстие. Разгадка пришла сразу: это пролом, устроенный при возведении Арсенала, через него шла засыпка хода. Казалось бы, до той части тайника, где он свободен от песка, рукой подать. Но неожиданно комендант Петерсон запретил раскапывать тайник и приказал Стеллецкому расчистить башенное подземелье до его древнего дна.

Приступая к этой работе, Стеллецкий советовал взять в бетонное кольцо родник, опасаясь, что вода прорвет колодезный сруб, установленный еще в начале XIX века. Но никто не обратил внимания на это предупреждение. А 24 марта вода затопила все подземелье. Две недели ушло на поиски насоса. А когда его установили, вода исчезла так же внезапно, как и появилась.

5 апреля в подземелье нагрянула специальная комиссия. «Просто удивительно мне сегодня показалось, с каким опасением, почти с ужасом проходили по щелям тайника Аристора Фиораванти члены комиссии: Палибин, Лопухов, Куксов, Алешкин, Суриков. В глубине я пролез сквозь отверстие в песке до норы, что сам вырыл вдоль каменного потолка, приглашая посмотреть воочию, но они так не продвинулись, чтобы взглянуть хоть одним взглядом», — изумлялся Стеллецкий.

Осматривая еще раз Среднюю Арсенальную башню, археолог пришел к убеждению, что макарьевский тайник за 13 м до этой башни должен повернуть в Кремль и пойти под Успенский собор, а от него — через Соборную площадь — к Тайницкой башне. У Стеллецкого появилась идея с помощью шурфов перехватить тайник в подземелье Арсенала, которое в ту пору перестраивалось под тир. Но разрешения на эти работы не дали.

С нетерпением археолог ожидал продолжения раскопок, но, увы... Все лето ушло на расчистку подземелья Угловой Арсенальной башни; в сентябре работы не велись.

3 октября 1934 года в Кремле состоялось заседание специальной комиссии, в которую входили представители комендатуры Кремля, архитекторы А. В. Щусев и Н. Д. Виноградов, директор Оружейной палаты В. К. Клейн. Выслушав отчет археолога и осмотрев тайник, члены комиссии приняли решение продолжить раскопки подземного хода. Почти месяц Стеллецкий хлопотал о пропуске в Кремль. В начале ноября подземелье башни спешно освободили от остатков мусора, выход в Александровский сад замуровали. Ученый надеялся на возобновление работ после ноябрьских праздников, но ему предложили поехать в отпуск, подлечиться (из-за страшного холода, царившего в подземелье башни, археолог заболел воспалением легких).

«13 ноября — это дата! — пишет Игнатий Яковлевич в дневнике. — Кругленький годик! Что бы я сделал за тот короткий период, если бы не исполнители — глухие супостаты? Я бы эту

работу выполнил в четыре месяца. А что еще сделал бы за восемь месяцев по моему вкусу? Как жук-точильщик, избороздил бы Кремль и уж, конечно, нашел бы «затерянный клад России».

Но пусть я и не нашел! Не дали найти! Зато я указал верную дорогу к нему. Я ли, другой ли – не все ли равно, лишь бы нашли. Мое – мой приоритет – неотъемлем от меня. А башня Арсенальная, превращенная мною в ключ к библиотеке, отныне “башня Стеллецкого”...»

Вернувшись из отпуска в феврале 1935 года, археолог подал докладную с просьбой дать разрешение на продолжение раскопок. Если по какой-то причине нельзя копать в Угловой Арсенальной башне, то надо попытаться перехватить ход в Успенском соборе, считал Стеллецкий. Он не знал, что решение о прекращении раскопок было принято еще 3 декабря 1934 года.

Изучение дневниковых записей археолога и копий его докладных записок в комендатуру Кремля позволяет сделать совершенно очевидный вывод: работы в Угловой Арсенальной башне были организованы из рук вон плохо. Рабочие относились к раскопкам без особого энтузиазма и работали, по словам Стеллецкого, «как мокрое горит, одного десятник захватил даже спящим. Невыгодно, говорят, как ни работай, выше обязательного минимума не получишь». Перейти же на сдельные условия работы, как хотел археолог, не удалось. На расчистке хода обычно работали два-три человека, без объяснения причин раскопки то и дело прекращались. Для получения инструмента, техники и даже брезентовых рукавиц приходилось не раз подавать докладные должностным лицам. Неоднократно у Стеллецкого возникали конфликты с десятниками, считавшими себя вправе указывать археологу, где копать. Выяснив, что подземные галереи действительно непроходимы и по ним в Кремль не пробраться, комендант Петерсон утратил всякий интерес к раскопкам.

Есть основание считать, что Стеллецкий еще раз обращался к Сталину, уже в конце войны. И вероятно, получил ответ из его секретариата, так как в обращении в Академию наук (январь 1945 года) Игнатий Яковлевич писал: «Но после войны, после победы, заветный клад будет найден! Порукою в том слово Великого Сталина!» До самой своей смерти в 1949 году ученый был уверен, что «покровитель наук и искусств» жаждет отыскать книжные сокровища и тем самым вписать свое имя в мировую историю. Но в Кремль археолога больше не позвали...

Что интересно, во время поисков библиотеки Ивана Грозного появился и устойчиво начал распространяться слух о «слепоте», преследующей почти нашедших разгадку и блуждающих где-то около библиотеки людей. Бытовало и бытует мнение, будто Софья Палеолог была колдуньей и наложила на хранилище книг и рукописей «проклятье фараонов», о котором узнала из древнего пергамента, свитка, хранившегося в той же библиотеке.

* * *

16 сентября 1997 года мир облетела сенсационная весть – 87-летний московский пенсионер Аполлос Иванов в личной беседе с мэром Москвы Юрием Лужковым сообщил, что знает местонахождение знаменитой библиотеки Ивана Грозного! Долгое время работая в Кремле, Иванов однажды уже побывал в тех подземельях, где была «забыта» библиотека. То, что до сих пор она не открыта, он объяснял строгим режимом секретности за кремлевскими стенами да и вообще считал, что загадки библиотеки в принципе не существует, и те, «кому положено», о ее местонахождении прекрасно осведомлены.

Аполлос Иванов, будучи инженером, в 1930-х годах получил задание «определить кубатуру» храма Христа Спасителя. Во время своих изысканий он обнаружил «потайной ход в восточной стене бывшего храма». Пройдя тридцать четыре ступени вниз, исследователь оказался в просторном тоннеле. Высота его превышала рост человека. Дальше ход раздваивался. Один путь вел к Кремлю, второй – уходил вправо, к Самсоновскому проезду. Инженер нашел там и «прикованные ржавыми цепями скелеты», и «железные двери», разделяющие отсеки переходов. Далее подземный ход перекрывала железная дверь. На этом исследования Иванова

закончились. Сотрудники НКВД опечатали дверь и выставили надежную охрану, а выход к Москве-реке замуровали кирпичной кладкой.

Рано умер Игнатий Яковлевич Стеллецкий, скоропостижно скончался писатель и энтузиаст Василий Осокин, ослеп Аполлос Иванов. Очень многие, кто хоть как-то прикоснулся к Либерее, так или иначе испортил себе жизнь. Цепь неудач, слепота и смерть. Может быть, это просто череда случайностей?

Сомнение четвертое

Безоговорочный диагноз «Записке анонима» как подделке поставил историк-архивист В. В. Козлов. Он указал на противоречие в словах Дабелова, переданных Клоссиусом. По показанию Клоссиуса, Дабелов получал материалы для своих ученых «штудий» как из официальных хранилищ, так и от «посторонних лиц», то есть из частных собраний. Между всеми этими бумагами им и была обнаружена связка с пресловутым перечнем книг. То есть происхождение «Рукописи профессора Дабелова» совершенно неясно: попала ли она ему из официального хранилища или же из архива частного лица. Между тем, Дабелов и Клоссиус якобы разыскивали оригинал «Записки анонима» в официальных хранилищах. Объяснить это можно только одним – желанием связать происхождение документа с официальным хранилищем, оттенив тем самым один из формальных признаков его подлинности.

В сообщении Клоссиуса есть и хронологические неувязки. Он определенно указывает, что по приезде в Дерпт в 1824 году его первым желанием было найти оригинал «Записки анонима». Однако далее следует, что, с одной стороны, сам Дабелов в 1820 году уже разыскивал его, а с другой – что их совместные поиски относятся к 1826 году; именно этим годом Клоссиус датировал описание рукописи, сделанное для него Дабеловым, а следовательно, он не мог проводить разыскания раньше – бессмысленно искать то, о чем не имеешь представления.

В первом известии Дабелова о «Записке анонима» говорится только о рукописях юридического содержания из библиотеки московского царя. Документ, опубликованный Клоссиусом, содержит перечень не только юридических, но и исторических и литературных сочинений античности, порождая естественные подозрения в «доработке» «Записки» после 1822 года. Ряд включенных в нее сочинений соответствует тому, что стало о них известно в 1822 году или позже. Так, в «Рукописи профессора Дабелова» упоминаются «Светониевы истории о царях» и сказано об их переводе немецким пастором. Примечательно, что еще хронист П. Иовий в своей книге о Московском царстве, изданной в 1600 году, сообщил, что русским известен перевод некой «Истории римских императоров». Это было использовано Н. М. Карамзиным в 7-м томе «Истории государства Российского». Далее «Рукопись профессора Дабелова» упоминает «Цицеронову книгу *De republica* и 8 книг *Historiarum*». Если о «*Historiarum*» ничего не известно и поныне, то о «*De republica*» первое известие появилось в 1822 году, когда были опубликованы найденные фрагменты этого сочинения, а в 1823 году вышел их французский перевод. Более того, в 1824 году в «Лейпцигской литературной газете» со ссылкой на записки о России Л. Мюллера сообщалось, что волынский дворянин Войнуцкий имел у себя это сочинение. Год спустя известие об этом было опубликовано в России П. И. Кеппеном. «Мы не теряем надежды, – писал он, – чтобы случай, а особливо усердие почтенных соребвнвателей истинного просвещения не открыли нам рукописи, коею погибель можно бы почестъ существенную потерю для классической литературы, а утайку – литературным преступлением».

Приведенные факты обращают на себя внимание примечательным совпадением появившихся в 20-х годах XIX века известий о ряде произведений античности с данными «Рукописи профессора Дабелова».

В начале XIX века наиболее полный, хотя и специально не систематизированный свод известий о библиотеке был помещен в «Истории» Карамзина, ее первых девяти томах, вышедших в 1818–1821 годах. Так, в 9-м томе «Истории» читатели познакомились с рассказом дерптского пастора Веттермана из «Хроники» Ниенштадта, изложенным Карамзиным по изданным

в середине XVIII века сочинениям Гадебуша и Арндта. «Царь, – писал Карамзин, – отменно уважал сего добродетельного мужа (Веттермана) и велел ему разобрать свою библиотеку, в коей Веттерман нашел множество редких книг, привезенных некогда из Рима, вероятно, царевною Софиею». Заметим, что Карамзин достаточно точно передал рассказы Гадебуша и Арндта по «Хронике» Ниенштадта. Гадебуш писал о Веттермане как о бывшем на отличном счету у русского царя, а Арндт добавил, что Веттерман должен был «привести в порядок превосходную царскую библиотеку, которая некогда пришла из Рима и, наверное, более ста лет лежала спрятанной за тремя сводами». Карамзин уверял читателей, что собирание древних рукописей имело в России давние традиции. Причем, по Карамзину, эти традиции касались исключительно греческих рукописей. Их привозили греки, собирали великие князья. В «Записке анонима» все наоборот: всего лишь некий «царь» отчасти купил, отчасти получил в дар сочинения античных авторов. Знаменательно, что какое-то количество латинских рукописей «царю» досталось от императора Священной Римской империи. Противопоставление усиливается еще больше фигурой переводчика. Карамзин рассказал о том, как Василий III, желая перевести греческие сочинения, пригласил в Россию православного инокa Максима Грека. В «Рукописи профессора Дабелова» говорится, что по просьбе царя неизвестный пастор перевел или должен был перевести латинские книги.

Нетрудно заметить, указывает В. П. Козлов, в чем суть противопоставления. В «Записке анонима» автор старательно стремится подчеркнуть интерес некоего русского царя к латинской книжной традиции. Это коснулось даже такой малозаметной, но символической детали: Карамзин сообщал, что Максим Грек увидел в библиотеке Василия III греческие рукописи в пыли, а аноним отметил, что латинские книги находились в прекрасном состоянии и имели даже золотые переплеты.

В. Козлов обнаружил еще один источник подлога. Еще в XVIII веке в Европе стало известно сочинение Веспасиано да Бистиччи «Жизнеописания замечательных людей XV века». Рассказывая о жизни герцога Федерико Урбинского, автор писал, что тот не только хорошо владел ремеслом воина, но и знал латинскую, греческую литературу, теологические сочинения. Желая приобрести светское образование, Федерико «прочел и часто перечитывал поэтов и исторические сочинения Ливия, Саллюстия, Квинта Курция, Юстина, комментарии Цезаря, которые без конца восхвалял; прочитал все сорок восемь жизнеописаний Плутарха в разных переводах; Эмилия Прода, Корнелия Тацита, Светония «Жизнь двенадцати цезарей». Безмерно почитая латинских и греческих авторов, как духовных, так и светских, он замыслил то, что тысячу лет не замыслил ни один из государей, а именно: устроить библиотеку...» Нетрудно заметить параллели в «Записке анонима» и рассказе Веспасиано да Бистиччи. Герцог Урбинский, воин-библиофил, оказался как бы прообразом некоего могущественного московского царя – собирателя древних греческих и латинских авторов.

Кто же мог быть автором этой фальсификации? Ответ на этот вопрос напрашивается сам собой: Дабелов. Сложнее ответить на вопрос, с какой целью он пошел на фальсификацию. По этому поводу нет единого мнения: по одной версии, Дабелов хотел уязвить своих конкурентов-исследователей неполнотой содержащихся в их трудах сведений об известных тогдашней науке раритетах. По другой, в фальшивке мог быть заинтересован и Клоссиус. Известно, что в 1824 году он установил связь с организатором и главой русских археографов графом Н. П. Румянцевым, рисуя ему заманчивый план «сделать путешествие по всей России и первым плодом оного издать полное описание состояния всех в России библиотек и хранящихся в них сокровищ». В руках Клоссиуса «Рукопись профессора Дабелова» становится чрезвычайно важным документом, призванным заинтриговать русское правительство возможностью уникальных находок. В. Козлов отмечает, что в 1825 году Клоссиус добился своей цели – «высочайшего дозволения» на осмотр русских хранилищ.

Отталкиваясь от действительных исторических событий, автор фальсификации создал документ, в котором читатель вроде бы находил факты, действительно имевшие место в прошлом. Но все содержание «Записки анонима» оказалось как бы покрытым дымкой неопределенности. В значительной степени именно это обстоятельство и обеспечило ей длительную жизнь как одного из источников сведений о таинственной библиотеке московских царей.

Современные поиски Либереи

В конце XX века настоящие поиски Либереи, загадочно исчезнувшей библиотеки Ивана Грозного, все-таки состоялись. За дело взялись крупные специалисты, а в Москве был даже создан штаб поисков. Эта общественная организация, финансируемая то ли на частных основаниях, то ли на средства правительства Москвы, взялась найти Либерею в течение нескольких лет. Ее возглавил некто Герман Стерлигов, фигура явно неоднозначная – председатель московского дворянского собрания, а в прошлом один из самых известных бизнесменов страны, экс-президент биржи «Алиса».

В научно-консультативный совет поисковой группы вошли такие крупнейшие ученые, как академик Сигурд Оттович Шмидт, академик по геофизике Юрий Янышев, доктора исторических наук Геннадий Зданович и Владимир Кучкин, директор ЦНИИ геологоразведки цветных и благородных металлов академик Игорь Мигачев.

Правда, Стерлигов впоследствии с учеными консультироваться перестал. К поискам сокровищ библиотеки присоединились также вездесущие эксперты спецслужб. А ассоциация ветеранов госбезопасности при поддержке ФСБ и ракетно-космического комплекса разработала новую методологию поиска, суть которой сводилась к матричному анализу документов эпохи Ивана Грозного. Все тексты, в которых фигурировали ключевые слова – «Либерея», «книга» и другие, относящиеся прямо или косвенно к пропавшей библиотеке, заносились в компьютер, анализирующий тексты на предмет подлинности и – самое главное – географической привязки.

Кроме документов эпохи Ивана Грозного и свидетельств энтузиастов, искавших библиотеку еще в прошлом веке, программа анализировала донесения из архива НКВД, державшего под строгим контролем строительство в центре Москвы первых станций метро и любые работы в подземельях Кремля. С помощью этой же программы была составлена карта перемещений по стране Ивана IV и его главных доверенных лиц. Круг поисков сузился до предела.

Для Кремля компьютер определил несколько вероятных мест, где может быть расположен каменный сейф Аристотеля Фиораванти. Эти данные держались штабом в страшном секрете. Все ждали начала поисков, но Москву потрясли новые обстоятельства, внезапно открывшиеся в деле пропавшей Либереи и затянувшие поиск еще на неопределенный срок.

В периодической печати появились сообщения, что возможным ключом к тайне библиотеки может стать зашифрованная надпись на одном из монастырских колоколов в Звенигороде. Используемый в надписи шрифт приписывали династии Рюриковичей. До последнего времени он практически не поддавался расшифровке: ключ шифра многократно менялся на протяжении всего лишь нескольких строк. К тому же надпись являлась причудливой комбинацией арийской рунической письменности и традиционного старославянского письма.

По словам руководителей поисков, криптографам штаба удалось прочитать первые четыре строки надписи, и именно эти четыре строки, как предполагалось, дали надежду на обнаружение точного места, где была спрятана Либерея. Над дешифровкой документа начали работать эксперты ФСБ, однако ничего нового, похоже, там не открыли.

Далее, как мы уже говорили, на смену загадочным надписям из Звенигорода пришел 87-летний московский пенсионер Аполлос Иванов, который сообщил, что откроет предполагаемое место нахождения знаменитой Либереи в личной беседе мэру Москвы Юрию Лужкову.

Присутствовавшему при этом событии корреспонденту ИТАР-ТАСС удалось только узнать, что библиотека, возможно, находится в одном из ответвлений засекреченного подзем-

ного тоннеля под Кремлем, где, как считается, могли сохраниться сундуки и ларцы, содержащие бесценные книги и рукописи, принадлежавшие царю Ивану Грозному. Аполлос Иванов, который долгое время работал в Кремле, заверил столичного мэра, что он уже однажды побывал в указанных кремлевских подземельях. То, что библиотека до сих пор не была обнаружена, он объяснил строгим режимом секретности, из-за которого поиски под Кремлем были крайне затруднены.

Дополнительной изюминкой романтической истории 87-летнего старика стала его слепота. В прессе стали муссировать предположения, что хотя слепота Иванова, как он сам говорит, и вызвана «бытовыми причинами», согласно мифической версии организаторов поисков Либереи, почти все исследователи, подошедшие близко к известной библиотеке, теряли зрение.

Наконец, подытожив все сведения, энтузиасты начали поиски. Все московское культурное сообщество и библиофилы всего мира замерли в ожидании чудес...

Однако чуда не произошло. Тщетность поисков постепенно охладила пыл участников поисковой кампании, а отсутствие новостей изгладило из памяти москвичей образ загадочной библиотеки.

Была ли найдена Либерея? Пожалуй, однозначное «нет» станет лучшим ответом на этот вопрос. Может быть, истекли оговоренные сроки поисков? Может быть, закончились субсидии, отведенные под раскопки? Как бы то ни было, но вместе с растраченными деньгами и потерянными иллюзиями из поля зрения исчез и Герман Стерлигов. Либерея же так и осталась найденной.

* * *

А может быть, искать библиотеку Ивана Грозного следует не в Кремле, а где-нибудь в другом месте, даже за пределами Москвы? Это предположение, на первый взгляд, очень спорное, при ближайшем рассмотрении оказывается вполне «рабочим».

Поскольку сомнительно, чтобы царскую библиотеку прятали в отсутствие самого царя, попробуем проследить его перемещения. В 1564 году, устав от мятежей и сопротивления бояр, Иван с царицей и детьми выехал насовсем из Москвы. Этот отъезд должен был выглядеть как обычный отъезд на богомолье в Коломенское. Но именно что должен был... Царский поезд был не только мрачно величествен, но и длинен чрезвычайно: несколько сотен подвод! Царь забрал с собой не только иконы и кресты, он сложил на подводы всю свою одежду и драгоценности, а также деньги и всю казну. Обоз сопровождала необычайно (!) большая вооруженная охрана.

Царь, побыв в Коломенском, через две недели отправился в Троицу. Но и там долго не задержался. Окончательно остановился он в Александровской слободе. Библиотека была при нем – проезжая во Владимир через Александров, Либерею видел Веттерман. Есть косвенное подтверждение, что библиотека существовала и в 1581 году – англичанин Джером Горсей принял в дар от царя Библию. Так что Либерею видели в кремле Александровской слободы, где волей Грозного семнадцать лет находилась фактическая столица русского государства. Конечно, есть достаточно оснований считать, что она погибла в страшную и необъяснимую зимнюю грозу 1582 года. Известно, что, вернувшись обратно в Москву, вслед за телом им же самым убитого сына, Грозный больше в слободу не возвращался. Там оставалась богатейшая утварь, тем более могли остаться и книги. А спустя год после ухода Грозного над слободой, по свидетельству очевидцев, в сугробах и метели рождественских морозов разразилась гроза. Молния спалила большую часть дворца и попала точно в спальню царя, превратив в пепел лежавшие около постели в специальном сосуде списки осужденных ливонских пленников. Впоследствии Грозный вернулся в Москву и поселился в новом дворце – на опричном дворе за рекой Неглинной, на Воздвиженской улице. Квадратный, огромных размеров двор,

обнесенный высокой каменной стеной с тремя воротами, размещал царские палаты, хозяйственные постройки, а рядом – приказы. Охрана, пятьсот стрелков, постоянно несла караул.

Но и на этом месте Иван Грозный прожил недолго. Пожар 1571 года сжег дотла дворец и всю Москву и вынудил его переселиться в Вологду, где давно уже по его приказу строился каменный город, чтобы стать новой столицей Руси. Приезды царя в столицу становились все короче и реже. Лишь обезумев после смерти сына Ивана, возвратился царь за гробом в Москву в 1581 году и уже до смерти оттуда не уезжал. Привез ли он библиотеку с собой? Известно – подвод в царском обозе было очень мало.

* * *

Так может все же Либерея была найдена? Лежит она себе по разным библиотечным полкам в разных городах и весях, а между тем кто-то продолжает искать кованые сундуки в темных сырых подвалах?

Предоставим слово специалистам.

Ныне покойный заведующий отделом рукописей Российской государственной библиотеки профессор Виктор Яковлевич Дерягин в 1993 году говорил: «У нас хранится 600 тысяч рукописей, из них 60 тысяч древних, более трехсот греческих (в основном византийских). Некоторые из них относятся еще к VI веку н. э. Вполне возможно, что среди них есть и книги Софьи Палеолог. А кроме нашей библиотеки, уникальные древние рукописи есть в библиотеке РАН в Санкт-Петербурге и Государственном Историческом музее в Москве».

«Труд», 22 ноября 1944 года: «В шкафах Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина хранится много тысяч древних рукописей и рукописных книг. Среди других здесь находятся пять книг большого формата в старинных кожаных переплетах из личного собрания Ивана Грозного... Крупнейший специалист древнерусских рукописных книг профессор Г. П. Георгиевский... говорит: “Книги хорошо сохранились. Листы их почти не пожелтели от времени. Изумительные рисунки, мастерски выполненные лучшими художниками XVI века, сохранили до настоящего времени яркость своих красок”».

А вот мнение главного археолога Московского Кремля Т. Д. Пановой: «Конечно, у светского государя и у главы Русской церкви были свои книги, которыми они пользовались в домашней обстановке, жилых палатах. Но существовал и царский архив. Литература находилась всегда в движении, перемещалась из общего собрания в покои царя и наоборот. То же самое происходило и после смерти царя. Недаром академик М. Тихомиров предлагал особенно тщательно проверять, исследовать фонды старых книг в крупнейших библиотеках и музеях нашей страны. Так, например, в запасниках Государственного Исторического музея хранится собрание книг из Патриаршей библиотеки, куда могло перейти немало фолиантов и из библиотеки царей. Разумеется, и из той, что принадлежала Ивану Грозному. А вот на раскопках в Кремле нам ни разу не попало ни одной книги. Да и не могут сохраняться бумага, ткань в земле, в подвале. Так что всякие предположения о таинственных подземных закромах в Кремле или в Александрове, куда Грозный в декабре 1564 года временно перенес столицу, некорректны. Хотя при каждом удобном случае мы обязательно исследуем «чрево» Кремля. Например, в прошлом году тестировали участок возле Дворца съездов, где предполагалось строительство. На него в качестве возможного места, где спрятана библиотека, иногда тоже указывают. Однако, кроме коммуникаций из прошлого столетия, ничего не обнаружили. Интерес к библиотеке Грозного набегает волнами. И тогда идут потоки писем в музей, комендатуру Кремля... Вообще интерес к этой библиотеке сильно преувеличен. Судя по письмам, люди считают, что, кроме библиотеки Ивана Васильевича, других тогда на Руси не было. А это далеко не так. В русских летописях есть рассказы о захвате ханом Тохтамышем Москвы в 1382

году. И при этом выражается сожаление о том, что сгорели книги, которые защитники Кремля снесли в храм, спасая от врагов. И что помещение было заполнено ими до сводов...»

Из беседы с заместителем директора по научной работе Государственного Исторического музея доктором исторических наук В. Л. Егоровым: «Кстати, меня сейчас часто спрашивают: «А где же библиотека Ивана Грозного?» Я постоянно отвечаю: «Библиотека Ивана Грозного находится у нас, в музее». Иван Егорович Забелин купил один том из библиотеки Ивана Грозного на Смоленском рынке, причем с собственноручными пометами этого самого государя.

Другой том нам подарил купец, третий еще кто-то. Какой отсюда можно сделать вывод? Что библиотека во время Смуты и интервенции XVII века была просто разобрана из Кремля и растасчена по всей Москве. Каждая из книг была толщиной не менее 15 см, да еще с записями царя Ивана Грозного. Вообще-то смешно, чтобы не найти и не признать эту библиотеку, если бы она где-то находилась как целое. Я несколько раз выступал по телевидению по этому поводу, но никто не верит, что у нас хранится часть этой библиотеки. Страсть людей к поиску кладов зародилась не во времена Стивенсона, а еще раньше».

В качестве примера, где могут оказаться бесценные фолианты царской библиотеки, хотим рассказать грустную историю, к сожалению, имевшую место в действительности.

Лет двадцать назад, а может, чуть меньше, в библиотеке Тверского университета провало систему отопления. Водой залило немалую часть книжного фонда. Была создана комиссия, которая серьезно пострадавшие фолианты признала не подлежащими реставрации. Они выносились из помещений библиотеки и выбрасывались на близлежащую стройку – это было одетое в леса здание студенческого общежития.

Среди подписанных комиссией на обращение в макулатуру книг были редчайшие издания. Их начали собирать задолго до образования педагогического института, впоследствии преобразованного в университет.

И вот залитые горячей водой издания оказались на свалке. Выброшенные книги, конечно, без внимания не остались. Ими интересовались не только забежавшие на стройку бомжи, но и люди, промышлявшие торговлей стариной. Словом, копаться в выброшенных книгах приходили кому не лень. Были и такие старатели, кто выискивал не печатные книги, а рукописные. И находил!

И вот один из таких уникалов оказался в руках не какого-нибудь библиофила, а заурядного бомжа, заглянувшего в укромный уголок по естественной надобности. Подыскивая подходящую бумажку, бродяга наткнулся на листок, не слишком подходящий ему по качеству. Но текст на ней бомжа заинтересовал, и он полез в гору мусора, выяснить, откуда выпал листок. Обнаружив старинную книгу, он понял – можно подзаработать. Но кому ее предложить? В ту пору продать антикварную книгу было тяжело.

В общем, при попытке сбыта манускрипта бомж оказался в суровых руках милиции. Не сразу поверив бродяге, что он никого не ограбил, сотрудники правоохранительных органов отправились на свалку и были поражены книжным кладбищем, на которое их вывел задержанный. «Вещественное доказательство» на всякий случай отдали на экспертизу. Самое интересное, что на книге обнаружились сальные отпечатки пальцев переписчика. После кропотливых поисков в библиотечных хранилищах сыщики нашли точно такие же отпечатки. Последние принадлежали одному из любимцев Ивана Грозного – немцу Шмидту. Отсюда выходило, что рукописная книга, присланная на экспертизу из Калинина, когда-то побывала в руках заморского специалиста, приглашенного государем Московским из Германии. Каким образом и при каких обстоятельствах этот раритет оказался в руках немца? И тем более, как он попал в Тверь? Загадка, которая ждет своего часа.

Интерес к поиску библиотеки Ивана Грозного то затухает, то вспыхивает с новой силой по мере обнаружения новых фактов. Завершая рассказ о ней, приведем слова блестящего знатока средневековой литературы А. А. Амосова: «Библиотека Грозного царя несет с собой

некую ауру, способную притягивать людей определенного склада. Стоит лишь однажды углубиться в лабиринт тайн, с нею связанных, чтобы затем до конца дней своих не знать покоя. И если решится кто вновь требовать развертывания работ по поискам грозненских сокровищ, если найдется столь отважный, что решится ударять собственной головой в каменную стену чиновных бастионов, то я, пожалуй, составлю ему компанию, ибо дело это святое...»

Список использованной литературы

1. *Алексеев Г.* Подземная Москва. М.: Современник, 1991.
2. *Бацалев В., Варакин А.* Тайны археологии. Радость и проклятие великих открытий. М.: Вече, 1999.
3. Большая энциклопедия Кирилла и Мефодия.
4. *Васильченко В. Е.* Очерки истории библиотечного дела в России XI–XVIII века. М.: Изд-во культ. – просвет. лит., 1948.
5. *Глухое А. Г.* Русь книжная. М.: Советская Россия, 1979.
6. *Егорова А.* Библиотека, которой не было: Загадка исчезнувшего книгохранилища Ивана Грозного // Новая библиотека. – 2001. – № 7–8.
7. *Козлов В.* Записка анонима, или История о том, как профессор Х. Х. Дабелов побывал в библиотеке Ивана Грозного // Родина. – 1992. – № 5.

Кто вы, господин Шекспир?

Не пора ли, друзья мои, нам замахнуться на Вильяма, понимаете, нашего Шекспира?

Из кинофильма «Берегись автомобиля»

Биография

Прежде чем начать рассказ о загадке, которая вот уже много лет сопровождает фигуру Уильяма Шекспира, вспомним вкратце биографию легендарного Барда (именно так его именуют в Англии).

Вот как она выглядит в каноническом стиле. Итак, Шекспир, Уильям (Shakespeare, William) (1564–1616), английский поэт, драматург, актер. Родился в Стратфорде-на-Эйвоне (графство Уорикшир). В приходской книге сохранилась запись о его крещении 26 апреля 1564 года, а поскольку в те времена было принято крестить новорожденных как можно быстрее, то дату рождения Шекспира можно определить только с точностью до нескольких дней; общепринятой датой является 23 апреля. Его отец, Джон Шекспир, был известным в Стратфорде человеком и занимал разные должности в системе городского самоуправления, вплоть до бейлифа³ (в 1568 году). Мать, Мэри, была дочерью Роберта Ардена, мелкопоместного дворянина из Уорикшира, происходившего из древнего рода католиков Арденов.

Учился Шекспир, скорее всего, в Стратфордской грамматической школе – одной из лучших провинциальных школ Англии, где сыновья горожан получали бесплатное образование, главным образом изучая латинский язык и литературу. Документальных сведений о его жизни после записи о крещении нет, вплоть до разрешения на брак с Энн Хетуэй из Стратфорда, выданного 27 ноября 1582 года. Первый их ребенок, дочь Сюзен, была крещена 26 мая 1583 года, близнецы Гамнет и Джудит – 2 февраля 1585 года. Известно, что в 1592 году Шекспир являлся актером и драматургом в Лондоне.

Приехав в Лондон, он, несомненно, примкнул к какой-то труппе. О актерской деятельности Шекспира мы почти ничего не знаем. Известно, что он играл «королевские роли» в своих же пьесах – Призрака в «Гамлете» и Адама в «Как вам это понравится». Также он играл в пьесе Бена Джонсона «Всяк в своем нраве», а в его же пьесе «Сеян» состоялось последнее засвидетельствованное выступление Шекспира на сцене. Именно сценический опыт дал ему знание возможностей сцены, особенностей каждого актера труппы и вкусов елизаветинской аудитории, что четко прослеживается в его произведениях.

До 1593 года Шекспир ничего не издавал. В 1593 году он выпустил в свет поэму «Венера и Адонис» в модном тогда эротическом жанре, предваренную смиренным посвящением герцогу Саутгемпτονу – блестящему молодому вельможе и покровителю литературы. Поэма имела необычайный успех и еще при жизни автора была издана восемь раз. Затем Шекспир выпустил более длинную и серьезную поэму – «Лукреция» (1594), также с посвящением Саутгемпτονу, которая, похоже, свидетельствует о возросшей близости между поэтом и его патроном. Начиная с 1594 года появляются точные факты театральной деятельности Шекспира. В «Грейз Инн» 28 декабря была представлена «Комедия ошибок»; в марте 1595 года У. Шекспир, У. Кемп и Р. Бербедж получили вознаграждение за две пьесы, представленные при дворе труппой лорда-камергера в рождественские праздники. Шекспир становится пайщиком знаменитой труппы, и связан с ней до ухода на покой. Театральная деятельность под покровительством Саутгемп-

---

³ Бейлиф — судебный пристав, помощник шерифа.

тона быстро принесла ему богатство – это видно из того, что в 1596 году Джон Шекспир, после нескольких лет финансовых затруднений, получил в Геральдической палате право на герб – знаменитый шекспировский щит, заплатил за который, как предполагается, Уильям. Пожалованный титул давал Шекспиру право подписываться «Уильям Шекспир, джентльмен». Другим доказательством его успехов является приобретение в 1597 году Нью-Плейс – большого дома с садом в Стратфорде. Шекспир перестроил дом, перевез туда жену и дочерей (сын умер в 1596 году) и поселился в нем, когда покинул лондонскую сцену.

В 1598 году Фр. Мерес, лондонский клирик, издал книгу «Сокровищница ума», часть которой отведена «Рассуждению об английских поэтах». Вот что он пишет о Шекспире: «Подобно тому как Плавт и Сенека считались у римлян лучшими по части комедии и трагедии, так Шекспир у англичан является наипревосходнейшим в обоих видах пьес». В 1597–1598 годах популярность Шекспира резко выросла: до тех пор была напечатана (в 1594 году) лишь одна его пьеса, «Тит Андроник», и то без имени автора на титульном листе; а в 1597–1598 годах были изданы не менее пяти пьес, чтобы удовлетворить спрос на печатные издания его сочинений. Предприимчивый издатель У. Джаггард попытался на этом разбогатеть: в 1599 году он издал книжечку, куда вошли два ранее не публиковавшихся сонета Шекспира (согласно Мересу, они были известны среди друзей Шекспира), два уже издававшихся, песня из «Тщетных усилий любви» и стихотворения нескольких второстепенных поэтов. Сборнику Джаггард дал название «Страстный паломник» и объявил его целиком принадлежащим перу Шекспира – это была первая, но не последняя попытка сбыть чужие произведения под этим именем.

В 1598 году братья Бербедрж разобрали старый «Театр» – постройку на северной окраине Лондона, где играла труппа Шекспира, – и из его бревен соорудили театр «Глобус» на южном берегу Темзы, в Саутуорке. Шекспир стал одним из акционеров нового театра; такое же право он получил и в 1608 году, когда труппе достался еще более прибыльный театр «Блэк-фрайерз», расположенный в городской черте. В 1603 году король Яков I взял труппу Шекспира под свое прямое покровительство – она стала называться «Слуги Его Величества короля», и актеры считались такими же придворными, как камердинеры. «Слуг Его Величества» особенно любили при дворе, труппа выступала там часто и за хорошее вознаграждение, долю которого, безусловно, получал и Шекспир. Рост доходов позволил ему вкладывать деньги в недвижимость, причем и в Лондоне, и в Стратфорде. Понемногу Шекспир отдалялся от театра и конец жизни провел в Стратфорде.

В марте 1616 года Шекспир составил завещание. Умер он 23 апреля 1616 года и был похоронен в приходской церкви, где его могилу каждый год посещают тысячи людей. При жизни Шекспира его произведения не были собраны в единое издание. Отдельно печатались поэмы, сборник сонетов. Пьесы первоначально появлялись в так называемых «пиратских изданиях» с искаженным текстом, за которыми в виде опровержения следовало, как правило, издание, подготовленное автором. По формату эти издания носят название кварто (quarto). После смерти Шекспира усилиями его друзей-актеров Хеминга и Конделла было подготовлено первое полное издание его сочинений, включающее 36 пьес, так называемое Первое фолио (The First Folio). Восемнадцать из них ранее вообще не печатались.

Творчество барда

Ранние сочинения

К 1592 году Шекспир приобрел некоторую известность в театральном Лондоне как актер и драматург, но точно датировать его ранние пьесы нелегко. Есть, правда, сообщение современника о пьесе, изображающей англо-французские войны, представленной с большим успехом труппой Стренджа в марте 1592 года. В этой пьесе не без оснований видят первую часть «Генриха VI», впервые напечатанную в Первом фолио. Большая часть пьесы принадлежит перу других, скорее всего, более ранних драматургов. Таким образом, перед нами пример или сотрудничества Шекспира с другими авторами, или переработки чужих сочинений. Вторая и третья части «Генриха VI» в виде отдельной двухчастной пьесы о Войне Алой и Белой розы были представлены до осени 1592 года. Они были изданы по отдельности в очень сокращенном и искаженном виде под названиями «Первая часть. Распри между династиями Йорков и Ланкастеров» (1594) и «Правдивая трагедия Ричарда, герцога Йоркского» (1595). Современные ученые склоняются к мнению, что эти тексты составлены актерами по памяти, а в полном и исправленном виде двухчастная пьеса впервые появилась в Первом фолио. Другая пьеса этого периода, «Тит Андроник», была поставлена труппой Сассекса в январе 1594 года, когда закрытым из-за чумы театрам на короткий срок разрешили ставить пьесы.

На каких бы условиях Шекспир ни сотрудничал с труппами в начале своей карьеры, ясно, что после 1594 года он постоянно работал для труппы лорда-камергера. У него появилось постоянное здание театра, известное как «Театр», и хорошо знакомые ему актеры, для которых он сочинял. Это привело к быстрому росту его независимости как драматурга. С 1594 года и вплоть до последнего периода творчества уже и речи не было о совместном сочинительстве, за исключением, может быть, «Укрощения строптивой». Более того, до появления в конце XVI века Б. Джонсона и других молодых авторов в Лондоне просто не было драматургов, которые бы годились в соавторы Шекспиру.

Хроники

Шекспир продолжал сочинять хроники, которые принесли ему первый настоящий успех. Ранняя историческая пьеса «Ричард III» (около 1594 г.) – рассказ об истории Англии с того момента, на котором закончилась третья часть «Генриха VI». Постановка этой пьесы имела огромный успех, и если судить по числу ранних изданий (шесть до выхода Первого фолио), это была самая популярная при жизни Шекспира его пьеса. «Король Иоанн» (около 1596 г.) – не такая удачная и определенно не столь успешная пьеса. Возможно, Мерес видел ее постановку, но напечатана она была только в фолио 1623 года. Шекспир по-прежнему подражал Кр. Марло (о нем немного позже) в трагической трактовке английской истории, но определенная самостоятельность видна в трагикомическом характере Фальконбриджа. В «Ричарде II» (1595) очевиден прогресс Шекспира в жанре исторической пьесы. Он отказывается от шаблонных театральных битв и поединков, чтобы сосредоточиться на характере главного героя – короля Ричарда. Предмет пьесы теперь не целое царствование, как в прежних его хрониках, а последние два года – время краткого торжества, крушения и смерти Ричарда. В этой пьесе больше чистой поэзии, свободы в развитии мысли, больше игры слов и образов. С другой стороны, в ней отсутствуют прозаический диалог и комические характеры и положения.

Созданная вслед за «Ричардом II» трилогия «Генрих IV, часть первая» (1596–1597), «Генрих IV, часть вторая» (1597–1598) и «Генрих V» (1599) – высшее достижение Шекспира в реформированном им жанре исторической пьесы. Самая увлекательная и драматичная из трех пьес – «Генрих IV, часть первая». На всем ее протяжении ощущается конфликт между королем Генрихом и мятежной знатью во главе с блистательным Хотспером. Принц Гарри из гуляки превращается в опору и оплот своего отца, а главный комический персонаж, Фальстаф,

излагает реалистический взгляд на вопросы чести и славы. Чередование комических и серьезных сцен – знак возвращения Шекспира к традициям английской драматургии, но в шутках меньше грубого и непристойного, чем в старой английской комедии. Вторая часть «Генриха IV» уступает первой. Говорливые мятежники – слабая замена Хотсперу. Принц, за вычетом одной живой кабацкой сцены, остается в тени вплоть до восшествия на престол. Если не считать беседы умирающего короля с Гарри, гений Шекспира заметнее всего в комических сценах, где остроумие Фальстафа достигает вершин бесшабашного веселья. «Генрих V» отличается от предыдущих пьес и по стилю, и по композиции. Действие целиком сосредоточено на короле, который в серии сцен показан как справедливый и разумный монарх. Ясно, что Шекспир хотел дать всестороннее изображение идеального короля в действии и ради этого прибег к самой пышной риторике, а восполняя скудость происходящего на сцене, выводит на сцену Хор (чего нет ни в одной другой его пьесе), дабы увлечь зрителей и разбудить их воображение.

За это время Шекспир сочинил всего одну, но любимую во все времена трагедию «Ромео и Джульетта» (около 1596 г.). Это свободное драматическое переложение поэмы А. Брука «Ромео и Джульетта» (1562), повествующей о трагической истории двух влюбленных.

Ранние комедии

В течение этого периода Шекспир непрерывно сочинял комедии; их веселость отразила приподнятое настроение, царившее в английском обществе после разгрома испанской «Непобедимой армады» (июль 1588 г.). «Комедия ошибок», представленная в 1594 году в «Грейз Инн», написана, несомненно, несколько раньше. Это единственный случай, когда Шекспир обратился к традиционной для Елизаветинской эпохи практике переделки античных комедий для современной сцены. Пьеса интересна, однако, тем, как молодой поэт подражает великолепному образцу – Плавту – в построении интриги. Пьеса «Бесплодные усилия любви» (около 1594 г.), переработанная для придворного представления в 1597 году, абсолютно не похожа на «Комедию ошибок». Интрига практически отсутствует, слегка намеченный сюжет служит лишь поводом для остроумных поэтических пассажей. Есть основания думать, что эта пьеса была написана для частного представления и содержит много неясных для нас сатирических выпадов против реальных лиц, но по-прежнему восхищают в этой пьесе протест Шекспира против сухого педантизма и прелестная музыка стиха. «Два веронца» (около 1593 г.) – первый опыт драматурга в романтической комедии, обращение к теме первой любви. Эта пьеса – одна из самых коротких и самых неудачных в его творчестве. Первая засвидетельствованная постановка – в 1762 году, уже в переработке Д. Гаррика. В «Укрощении строптивой» (около 1595 г.) Шекспир проявил тонкое понимание человеческой природы. Двуличие чопорной Бьянки противопоставлено искренности строптивой Катарины. «Сон в летнюю ночь» (около 1595 г.) – первый яркий триумф Шекспира в области романтической комедии. Задуманная, возможно, как аналог «маски» для какой-то придворной свадьбы, она выходит далеко за рамки этого жанра: пьеса хорошо продумана и построена. В ней удачно соединены романтичность и реализм, волшебное царство, любовники, Оселок и его артель изображены на античном фоне, взятом из «Рассказа рыцаря» в «Кентерберийских рассказах» Дж. Чосера. «Венецианский купец» (около 1596 г.) серьезнее других ранних комедий Шекспира. Возможно, поводом для ее сочинения послужило желание труппы Шекспира поставить пьесу, которая могла бы соперничать с популярной постановкой Марло «Мальтийский еврей», возобновленной в 1595–1596 годах труппой «Слуги адмирала». Сюжетную канву Шекспир взял из итальянской новеллы, где коварный еврей угрожает жизни купца-христианина. Продуманный ход интриги и ее неожиданная развязка предвосхищают трагикомедии Фр. Бомонта и Д. Флетчера.

Веселые комедии

Пьесы «Много шума из ничего» (1598–1599), «Как вам это понравится» (1600), «Виндзорские насмешницы» (1599–1600) и «Двенадцатая ночь» (1601–1602) созданы в промежутке между завершением трилогии о короле Генрихе и началом сочинения великих трагедий. Эти

так называемые «веселые комедии» – триумф Шекспира в области «высокой комедии». Они обладают всеми обязательными чертами жанра: увлекательным сюжетом, реалистическими персонажами в узнаваемой обстановке и, самое важное, драматическим диалогом, в комическом свете выставляющем пороки человеческой природы.

Трагедии

«Двенадцатая ночь» оказалась прощанием Шекспира с беззаботным весельем; он переходил к более серьезным темам. Поворот к трагедии был вызван несколькими причинами. Переменившаяся к концу XVI века театральная мода снова привела на подмостки трагедию, вытеснив патриотические хроники. Сочиняя для массового зрителя, Шекспир должен был удовлетворить новые запросы публики. Более существенной причиной могло быть его желание попробовать себя в трагедии – по общему мнению, высшего поэтического жанра. Он не касался этой области со времени первой пробы в «Ромео и Джульетте». Завершив цикл хроник, Шекспир смог вновь обратиться к трагедии.

«Юлий Цезарь» (1599) – связующее звено между историческими хрониками и собственно трагедиями. С одной стороны, пьеса относится к числу хроник, поскольку перелагает в драматической форме исторический источник. Шекспир до мельчайших деталей верен «Жизнеописаниям» Плутарха: в пьесе почти нет происшествий или персонажей, отсутствующих у Плутарха. Но сосредоточенность драматического интереса на трагическом герое делает пьесу провозвестницей великих трагедий.

С «Гамлетом» (1600–1601) Шекспир окончательно переходит к трагическому жанру, от хроник в пьесе нет и следа. Вместо того, чтобы придавать драматическую форму историческому периоду, он взял старую пьесу (около 1588–1589 гг.; автором ее был, вероятно, Т. Кид) и превратил ее в одну из величайших трагедий мировой драматургии. Пьеса Кида утрачена, но представление о ней можно получить из позднейшего и искаженного немецкого перевода «Наказанное братоубийство, или Принц Гамлет из Дании». Видимо, труппа Шекспира получила права на постановку пьесы Кида, поскольку известно, что еще в 1594 и 1596 годах она представляла некоего «Гамлета». Если бы речь шла о трагедии Шекспира, она успела бы попасть в список Мереса, составленный в 1598 году. Возможно, что, закончив «Юлия Цезаря», Шекспир взял рукопись старой пьесы из архива труппы и стал ее переделывать. Переработка эта была долгой и тщательной. Пьеса имела огромный успех, что ясно из мгновенно появившихся аллюзий, цитат и даже пародий.

«Отелло», сыгранный при дворе 1 ноября 1604 года, разительно отличается от «Гамлета». Последний, подобно античным трагедиям, посвящен крушению царского дома. «Отелло» же больше, чем любая другая пьеса Шекспира, близка к елизаветинскому жанру «семейной трагедии». Имевшая успех при первых постановках, после Реставрации⁴ она была возобновлена; тогда же впервые роль Дездемоны сыграла женщина – Маргарет Хьюз. Представленный при дворе после Рождества 1605 года «Король Лир», в свою очередь, не похож на «Отелло». Действие отнесено в далекое варварское прошлое; сюжет скорее символический, чем реалистический, и лишен того единства и цельности, которые отличают трагедию о венецианском мавре. Постановки «Короля Лира» никогда не имели большого успеха; более того, в эпоху Реставрации пьесу Шекспира вытеснила с подмостков сентиментальная переделка Н. Тейта (1652–1715). Ее ставят реже других великих трагедий Шекспира и в наши дни, но вдумчивые читатели ценят ее очень высоко. «Макбет» (1606), одна из самых коротких пьес Шекспира, судя по всему, сочинялась в большой спешке, чтобы исполнить пожелание короля Якова представить новую пьесу во время празднеств в честь приехавшего в Англию Христиана Датского, свойственника короля. Тему, возможно, подсказало устроенное для короля представление в Оксфорде в 1605 году. Трое студентов, наряженные сивиллами, продекламировали латинское

⁴ Реставрация – возвращение после Английской революции к власти в 1660 году династии Стюартов.

стихотворение, содержащее древнее пророчество о том, что Банко, дальний предок Якова, породит династию королей, которые будут править тремя царствами – Англией, Шотландией и Ирландией. Король остался очень доволен, и Шекспир, по-видимому, сделал вывод, что пьеса о Банко и его убийце Макбете будет хорошо принята при дворе. За материалом для пьесы он обратился к образцовым тогда «Хроникам Англии, Шотландии и Ирландии» (1577) Р. Холиншеда.

Период трагедий завершается тремя пьесами из древней истории – «Тимон Афинский», «Антоний и Клеопатра» и «Кориолан». Все они основаны на переводе «Жизнеописаний» Плутарха, сделанном Т. Нортон, из чего можно заключить, что усталый поэт ощущал необходимость в источнике, которому он мог бы близко следовать, не напрягая воображения. «Тимон Афинский» (около 1605–1606 гг.) явно не заслуживает долгого рассмотрения. Почти с полной уверенностью можно сказать, что Шекспир не закончил пьесу и для сцены ее приспособил другой драматург. Стиль Шекспира чувствуется во всех актах, однако же общее впечатление такое, что он сочинил несколько разрозненных сцен, а обработчик связал их вместе. Трагедия «Антоний и Клеопатра» (1607–1608) очень близко следует за источником, часто попросту перелагая возвышенную прозу Норта стихами. У нее настолько нестройная композиция – действие переносится из Египта то в Рим, то в Грецию и обратно в Египет, – что ее очень трудно поставить на сцене. И действительно, более правильно построенная пьеса Д. Драйдена «Все за любовь» (1677) вытеснила с подмостков «Антония и Клеопатру», хотя далеко уступала шекспировской трагедии как в характеристике персонажей, так и в поэтичности и этической глубине. «Кориолан» (1608–1609) – пьеса с более прочной композицией. После бунтов и боев первого акта, заставляющих вспомнить исторические хроники, Шекспир сосредоточился на характере и судьбе главного героя. И возможно, его судьба более непреложно определена его характером, чем у любого другого шекспировского героя. «Кориолан» можно назвать прощением Шекспира с трагедией; и трагическое настроение, и вызывающий сочувствие герой, и поэтическое выражение трагической темы здесь бледнее, чем в более ранних и великих пьесах.

Горькие комедии

Пьесы «Все хорошо, что хорошо кончается» (1602–1603), «Троил и Крессида» (1602) и «Мера за меру» (1604) являются своего рода побочными продуктами трагического периода. Три так называемые «горькие комедии» созданы, судя по всему, скорее в интересах труппы Шекспира, чем по его собственному желанию. «Все хорошо, что хорошо кончается», возможно, является переделкой старой пьесы «Вознагражденные усилия любви», имеющейся в списке Мереса. «Троила и Крессида» трудно отнести к какому-то определенному драматическому типу; издатели Первого фоллио открыли пьесой раздел трагедий, но к трагическому тону Шекспира она имеет мало отношения. Две главные ее темы скорее механически соединены, чем связаны.

Первая – осада Трои – близка к историческим хроникам; вторая, давшая пьесе заглавие, трактует известный средневековый любовный сюжет. В некоторых отношениях пьеса похожа на модную в то время сатирическую комедию. Из трех «горьких комедий» ближе всего к жанру трагедии «Мера за меру». Сходство неудивительно, поскольку написана пьеса в 1604 году, в том же году, что и «Отелло», и сюжет Шекспир нашел в том же итальянском сборнике «Сто историй», откуда был взят и сюжет «Отелло». Обе пьесы были сыграны при дворе в декабре 1604 года, и вполне возможно, что написать комедию Шекспира попросила труппа, чтобы уравновесить впечатление от трагедии. Счастливым разрешением трагического конфликта с помощью комедийных средств «Мера за меру» предвосхищает трагикомедии последнего периода творчества Шекспира.

Трагикомедии

Исследователи часто отмечают поразительную перемену в последние годы творчества Шекспира. По этому поводу выдвигались самые разные объяснения: упадок здоровья из-за

перенапряжения, стремление заняться новой областью драматургии, реакция на вкусы нового театра «Блэк-фрайерз». Его зрители, образованные и с более высоким социальным положением, чем в «Глобусе», к тому времени уже восхищались блестящими трагикомедиями Бомонта и Флетчера, и поздние пьесы Шекспира, так называемые «сказочные», принадлежат к тому же жанру. «Перикл, князь Тирский» (около 1608 г.) – связующее звено между трагедиями и поздними пьесами. Она переделана Шекспиром из старой пьесы, попавшей в руки его труппе. Переделками чужих пьес он не занимался с «Укрощения строптивой», и его готовность к такой работе, возможно, свидетельствует о накопившейся усталости; есть и другие примеры его соавторства в этот период. «Цимбелин» (1609–1610) был, по-видимому, первой пьесой, которую Шекспир написал для постановки в «Блэкфрайерз», и она в точности отвечает вкусам тамошнего зрителя – романтическая история добродетели в беде, полная приключений, эффектных и неожиданных поворотов сюжета. На сцене пьеса всегда имела успех. В 1634 году она была сыграна при дворе, и король Карл I остался ею очень доволен. «Зимняя сказка» (1611) удачнее, чем «Цимбелин», – видно, что Шекспир уже овладел приемами трагикомического жанра. В соответствии с жанровыми требованиями пьеса полна театральных эффектов и неожиданностей. Самый большой сюрприз прибережен под конец, когда статуя умершей женщины оживает, одаряя всех прощением и лаской, – театральный эффект, наверное, особенно выглядел впечатляюще при неярком свечном освещении «Блэкфрайерз». Этот шедевр трагикомического жанра в точности отвечал вкусам аудитории, для которой был сочинен. При дворе пьеса была сыграна не менее шести раз до закрытия театров. «Буря» (1611), последняя из этой группы и, видимо, последняя самостоятельная пьеса Шекспира, – произведение уникальное; ничего похожего нет ни у самого Шекспира, ни вообще в елизаветинской драме. Обычно ее относят к поздним «сказкам», но она отличается от «Зимней сказки» даже больше, чем та – от «Цимбелина». Характерных для трагикомедии увлекательной интриги, неожиданностей и превращений мало. Очевидно, Шекспир хотел предложить зрителям что-то похожее на великолепные придворные «маски» – зрелище с танцами и песнями, в котором простой сюжет оживлен проказами комических персонажей и появлением обаятельных героев.

Поздние соавторства

Позднему периоду принадлежат две пьесы, где узнается и рука Шекспира, и рука Флетчера – в то время главного драматурга труппы «Слуги короля». Первая – «Король Генрих VIII» – похожа на ранние хроники Шекспира только названием; в сущности, это цепь торжественных картин; характерные для хроник сцены «шутовства и боев» опущены, подчеркнуто все зрелищное и серьезное. Она была сыграна с большой пышностью в «Глобусе» в 1613 году; на одном из первых представлений возник пожар, уничтоживший все здание. По общему мнению, Флетчер написал не меньше половины пьесы. Пьеса «Два знатных родича» не была включена в Первое фолио, возможно, из-за того, что Флетчер хотел считаться ее главным создателем. Впервые она была издана в 1634 году, через девять лет после его смерти, как «написанная достопамятными людьми своего времени г-ном Джоном Флетчером и г-ном Уильямом Шекспиром, джентльменами». Она долго считалась пьесой Флетчера, но недавние научные изыскания привели к выводу, что наиболее поэтические ее места принадлежат Шекспиру.

Уильям Шекспир был елизаветинским драматургом, как и другие профессиональные драматурги того времени; но при этом, конечно же, его творчество вышло далеко за рамки той эпохи. Его пьесы так же популярны, как и много лет назад, и не только в англоязычных странах, но и в таких, о существовании которых он даже не знал. Их любят читать и те, кто никогда не видел шекспировских спектаклей. Больше всего на свете люди любят интересные истории, и Шекспир – один из лучших рассказчиков в истории. Герцог Мальборо говорил, что все, что он знает об истории Англии, он узнал у Шекспира. Цезарь, Антоний и Клеопатра многим читателям знакомы по его пьесам, а не из книг историков.

Еще важнее для восхищенного отношения потомков к Шекспиру его талант в создании персонажей. Это не типы и не аллегорические абстракции, а живые люди. Конечно, нельзя сказать, что Шекспир создал всеобъемлющую галерею персонажей. Напротив, многих героев у него нет: ни святых, ни человека, ведущего людей к неведомому, хотя Шекспир и жил в век путешествий и открытий, ни народного бунтаря вроде Робин Гуда. Тем не менее, спектр персонажей его произведений гораздо шире, чем у любого из его современников, особенно в женских образах. Героинь Шекспира часто хвалили за их смекалку, нежность, готовность прощать. Житейская мудрость и стойкая преданность – неустранимые свойства человеческой природы, и в изображении этих вечных свойств и заключена непреходящая притягательность шекспировских героев.

Елизаветинская драма – драма поэтическая, и Шекспир – самый талантливый и благородный поэт из всех драматургов эпохи. На чуткого читателя его поэзия действует даже сильнее, чем сюжеты или персонажи. Шекспир отнюдь не великий философ; он говорит много банального – «мысль не нова, нова ее краса». Но в его стихах есть нечто большее, чем складная и отточенная форма. Неизъяснимая прелесть и красота, созданные скорее вдохновением, чем поэтическим мастерством, присущи лучшим шекспировским стихам и поднимают его поэзию над творениями даже самых талантливых его современников.

В пьесах Шекспира содержится определенное мировоззрение – по большей части неосознанное. Более того, Шекспира называли наименее нравственным из писателей, поскольку он не преподает моральных уроков и совершенно не заботится о так называемой «поэтической справедливости». Так, Корделия умирает на руках у отца только потому, что оказалась во власти сильного и беспощадного человека. Похоже, Шекспир считал, что мир так и устроен; его задачей было показать, каков мир в реальности, а не в мечтах. Земное существование человека было для него тайной, а «далее – тишина». Он не был фаталистом, пассивно сносившим зло; снова и снова он настаивал на том, что сила и доблесть даны человеку, чтобы он не тратил жизнь в праздности, а зажег ее подобно эстафетному факелу. А когда приходит неизбежный конец, надо встретить его достойно.

Проблема авторства

На Западе написаны целые библиотеки книг о том, действительно ли Уильям Шекспир является автором великих творений, изданных под его именем. В Англии и США существуют специальные научные общества, имеющие единственную цель – обосновывать «права» избранного ими кандидата на роль Шекспира.

У нас, начиная еще с советских времен, как-то традиционно никто не проявляет особого интереса к этой литературе и не жаждет объявлять великого поэта самозванцем, поэтому упомянутые исследования сравнительно мало известны. И тем не менее, следует выслушать обе стороны.

Более двух столетий после смерти драматурга никто не сомневался в том, что Уильям Шекспир из Стратфорда, актер труппы «Слуги Его Величества», написал и стихотворения, изданные под его именем, и пьесы, в 1623 году собранные в фолио его друзьями-актерами. Однако примерно в 1850 году в авторстве Шекспира возникли сомнения, которые и сегодня разделяются многими. Трудно сказать, откуда пришла такая идея. Возможно, причиной послужило то, что люди Викторианской эпохи верили в необходимость образования для писателя, а Шекспира считали необразованным – по выражению Т. Карлейля, «бедным крестьянином из Уорикшира».

Что же заставило почитателей Шекспира усомниться в авторстве его пьес? Почему шекспироведы разделились на два лагеря: на так называемых «стратфордианцев» и «нестратфордианцев»?

Основными точками отправления скептиков послужили следующие моменты. Шекспир родился в обычном небольшом городке Стратфорде, родители его, возможно, были неграмотны, и неизвестно, посещал ли он вообще школу. В возрасте восемнадцати лет Шекспир, как мы уже упоминали, женился на Энн Хетуэй, которая была старше его на восемь лет, у них родилось трое детей, то есть он был почтенным отцом семейства. Что подтверждается тем, что, возвратившись за несколько лет до смерти, последовавшей в 1616 году, в Стратфорд, он приобрел недвижимую собственность, занимался дачей денег в рост (хотя в своей пьесе «Венецианский купец» страстно обличал ростовщичество), составил завещание... Не уцелело рукописи ни одной из пьес Шекспира, ни одного его письма.

Сомнения возникли давно. В 1747 году священник Джордж Грин обнаружил завещание Шекспира, составленное нотариусом Френсисом Коллинзом. В нем кроме собственноручной подписи Шекспира была записана с его слов последняя его воля и некоторые бытовые детали. Было подсчитано все до последней вилки, написано, кто из родственников и в какой доле должен унаследовать шекспировское имущество и капитал. Например, своей жене великий драматург завещал лишь кровать «со всеми принадлежностями», причем ту, что «поплоше». Своим друзьям-актерам Ричарду Бербеджу, Джону Хэмингу и Генри Конделлу драматург оставил деньги на покупку колец. Но при этом ни слова не сказано о рукописях (может быть, актер Шекспир знал, что они чужие и не принадлежат ему?) или книгах, а последние в то время стоили немало и представляли большую ценность. Но ведь будь он таким разносторонне образованным человеком, каким несомненно был автор сочинений, изданных под именем Шекспира, в его доме просто обязаны были быть книги...

Придерживающийся стратфордианской позиции американский шекспировед С. Шенбаум в своей книге «Шекспир. Краткая документальная биография» (1977) пишет: «Некоторое недоумение вызывало то, что в завещании не было перечислено никаких книг или литературных рукописей. Однако это не столь уж странно, как может показаться. Шекспир не располагал рукописями своих пьес – они принадлежали труппе «Слуг Его Величества». Книги могли быть отдельно перечислены в посмертной описи, но таковой не сохранилось».

Как мог величайший драматург в истории человечества быть столь мелочным в бытовых деталях и не заикнуться о рукописях? Как было доказано позже исследователями, человек, оставивший это завещание, был практически неграмотным и с трудом выводил свою подпись. Существует несколько ее вариантов. Одна из них стоит под портретом Шекспира, которым предваряется восьмитомное полное собрание произведений Шекспира, вышедшее в СССР с 1957 по 1960 год. Этот портрет с той же подписью появился в полном собрании сочинений, выпускавшимся издательством «Интрейд Корпорейшн» с 2001 года.

Сейчас известно, что словарь Шекспира насчитывает около 20 тысяч слов, то есть, как пишет один из самых известных российских шекспирологов Илья Гилилов в своей книге: «В два-три раза больше, чем у самых образованных и литературно одаренных его современников и даже писателей следующих поколений и веков (для сравнения, у Джона Милтона, Фрэнсиса Бэкона – по 8 тысяч слов, у Уильяма Теккерея – 5 тысяч). Англичанин нашего времени, имеющий высшее образование, употребляет не более 4 тысяч, а малообразованный провинциальный житель елизаветинской Англии обходился 1 тысячей или даже половиной того. Такой огромный разрыв говорит сам за себя – ничего подобного история мировой литературы не знает. Шекспир ввел в английский язык, как сообщает Оксфордский словарь, около 3200 новых слов – больше, чем Бэкон, Джонсон, Чапмен, вместе взятые».

Содержание пьес Шекспира, по мнению многих исследователей, тоже говорит о широкой образованности их автора, хорошо разбирающемся в античной литературе, римском и английском праве, географии, нескольких иностранных языках, многих вопросах государственного управления, что можно встретить лишь у опытного политического деятеля. В некоторых своих пьесах автор откровенно выражает симпатии к аристократии и презрение к черни, что довольно странно у сына обывателя мелкого провинциального городка.

При этом те немногие автографы Шекспира, в авторстве которых можно быть уверенными с большей или меньшей вероятностью, выглядят так, как будто бы человек только недавно научился читать и писать. Сомнительны даже сохранившиеся подписи Шекспира под несколькими юридическими документами. Что касается стратфордских носителей фамилии Шакспер, то в книге С. Шенбаума приводятся несколько вариантов ее написания: Shakspere, Shackspere, Shaxpere, Shakesper, Shackspeare, Shakyspere. Они указаны в церковных документах того времени. Как мы видим, среди них нет привычного нам варианта написания фамилии как Shakespeare.

Кончина Шекспира в Стратфорде и тем более за его пределами прошла совсем незамеченной. На его смерть не было написано ни одной элегии, как это было в обычае того времени. Ни один современник прямо не говорит об актере Шекспире как авторе вышедших под этим именем произведений. А остальные, более глухие упоминания современников допускают двоякое толкование. Не называет имени Шекспира и актер Аллен, который вел дневник, где отмечал многие театральные события и происшествия тех лет. Зять Шекспира доктор Холл также в своем дневнике не обмолвился ни единым словом о том, что его тесть – автор известных произведений.

Все портреты Шекспира апокрифичны. Подозрение вызывает даже памятник, установленный на его могиле. Он изображает человека, мало похожего на портрет, приложенный к первому собранию сочинений Шекспира, вышедшему в 1623 году, то есть через семь лет после смерти актера в Стратфорде.

Некоторые исследователи личности Шекспира даже решили устроить Барду эдакое «раздвоение личности», пользуясь тем, что при «всеобщей малограмотности» тогдашней Англии казалось естественным искажение и невнимание к точной форме написания имен. Таким образом, исключив даты написания пьес, женитьбу, смерть родственников в Стратфорде и те события, которые все равно произошли бы, не будь Шекспира в природе вообще, им удалось, как

белок от желтка, отделить ШЕкспИра от ШАкспира и получить вот такие радикально отличающиеся два списка:

ШЕкспИр:

1564 год, 23 апреля. Уильям Шекспир родился в Стратфорде-на-Эйвоне. В этом городе он прожил детство и юность. *1612 год.* Шекспир возвращается в Стратфорд. *25 марта.* Шекспир подписывает завещание. *23 апреля.* Смерть Шекспира. *25 апреля.* Похороны Шекспира.

ШАкспЕр:

Май 1597 года. Шакспер покупает второй по величине дом в Стратфорде, так называемый Нью-Плейс, за 60 фунтов стерлингов. *Февраль 1599 года.* Уильям Шакспер как пайщик принимает участие в строительстве театра «Глобус». Его доля – 10 процентов. *Май 1602 года.* Шакспер покупает у ростовщиков Комбов участок земли близ Стратфорда. *1602–1603 годы.* Покупает и арендует строения в Стратфорде вблизи Нью-Плейс. *Июль 1604 года.* Шакспер привлекает к суду своего стратфордского соседа, аптекаря Филиппа Роджерса за невыплату долга. *Июль 1605 года.* Шакспер откупает у некоего Ралфа Хьюбода право взимать половину «десятипроцентного налога на зерно, солому и сено» (церковная десятина) с арендаторов бывших монастырских земель в трех ближайших деревушках, а также половину небольшой десятины со всего стратфордского прихода. *Август 1608 года.* Шакспер становится пайщиком театра «Блэкфрайерс» вместе с шестью другими членами труппы. *Август 1608 – июнь 1609 года.* Шакспер преследует через суд еще одного своего земляка, Джона Эдинбрука, за долг в 6 фунтов стерлингов плюс 1 фунт стерлингов 5 шиллингов в возмещение расходов и убытков. *10 марта 1613 года.* Шакспер покупает в Лондоне, в Блэкфрайерсе, дом за 140 фунтов и уже на следующий день, 11 марта, закладывает его за 60 фунтов бывшему хозяину на срок полтора года. *31 марта 1613 года.* Шакспер переуступает кому-то принадлежащий ему пай в актерской труппе, ликвидирует свои финансовые интересы в Лондоне (детали неизвестны) и окончательно перебирается в Стратфорд.

Как видим, Шакспер был неплохим предпринимателем и не прощал своих должников, преследуя их в судебном порядке. Из предпринимательской биографии Шакспера видно, что бизнес настолько занимал его, что приходится удивляться, когда «Шекспир» успевал писать пьесы, ставить их в театре и еще играть в нем роли.

Покинув родной город с пустыми карманами, через двадцать пять лет Шакспер становится обладателем самого большого состояния в Стратфорде. В 1596 году он обращается в Королевское геральдическое управление с прошением о присвоении титула дворянина и права иметь фамильный герб. Прошение, как мы знаем, было удовлетворено.

Неизвестно, почему сторонники такого «шекспироделения» отказывают творческому человеку в деловой сметке (Рубенсу, Уолту Диснею, Спилбергу, Кингу, Айтматову их талант никогда не мешал выполнять дипломатические поручения и зарабатывать деньги). Тем не менее, примем пока к рассмотрению и эту точку зрения.

Есть еще одна дополнительная странность. В 1665 году антикваром Уильямом Дугдейлом было опубликовано описание достопримечательностей графства Уорик. В этом сочинении имеется изображение памятника Шекспиру. Другой подобный же рисунок помещен в первой биографии Шекспира, принадлежащей перу Роу и увидевшей свет еще через полвека, в 1709 году. На этих двух рисунках надгробие выглядит совсем по-другому, чем впоследствии, когда оно стало предметом поклонения бесчисленных почитателей гения великого драматурга. Памятник на этих первых рисунках изображает грузного бородатого человека, прижимающего к животу обеими руками какой-то мешок (или подушку). Следовательно, жители Стратфорда после 1709 года, когда имя Шекспира стало завоевывать всемирную славу, переделали памятник. Вместо мешка теперь в одной руке находится перо, а в другой – лист бумаги. В восторженном похвальном слове Шекспиру, составленном в связи с появлением первого собрания сочинений в 1623 году, близко знавший его современник – выдающийся драматург Бен Джон-

сон бросил таинственные слова: «Ты – памятник без могилы» (Thou art a Monument without a tombe). Сторонники существования Шакспера вопрошают: разве только этого не недостаточно, чтобы возбудить серьезное сомнение в том, был ли актер Шекспир автором приписываемых ему пьес, не скрывается ли за этим многовековая тайна, которую должны разгадать настойчивые исследователи?

Тут (для сторонников «единства и неделимости» Шекспира) приведем доводы, свидетельствующие в пользу Барда. Во-первых, в книге был помещен не сам рисунок Уильяма Дугдейла (кстати, сделанный не с натуры, а по памяти), а гравюра с него. Что удивительного в том, что гравер (который в глаза не видел памятника) не разобрал некоторые детали рисунка антиквара? Последующие же гравюры только повторяли ошибку. Во-вторых, внешность свою человек выбирает не сам, и она, к сожалению, никак не связана с внутренним содержанием ее обладателя. Кстати, интересно знать, все ли мужчины после сорока сохраняют романтический вид и густую шевелюру?..

Впрочем, мы отвлеклись от доводов нестратфордianцев. Как сообщалось ранее, из «официальных» портретов Шекспира существует только один – тот, который помещен на титульном листе Первого фолио. Все шекспироведы обращали внимание на этот странный портрет, сделанный с гравюры художника М. Дройсхута. Мы видим человека с непропорционально большой головой, как бы отсеченной воротником от туловища, глаза его на разной высоте. Некоторые шекспироведы отмечают «одеревенелый вид» этого человека, хотя советский исследователь М. Морозов замечал на портрете кроме высокого лба «живые, умные глаза». Обращает на себя внимание один и тот же рукав кафтана, пришитый с разных сторон. Нестратфордianцы считают, что так было сделано умышленно с тем, чтобы показать «двойственность натуры Шекспира». В Первом фолио рядом с портретом Шекспира напечатано стихотворение Бена Джонсона «To the Reader».

Приведем прозаический перевод этого стихотворения, взятый из книги И. Гилилова «Игра об Уильяме Шекспире, или Тайна великого Феникса».

«Эта фигура, которую ты видишь здесь помещенной, / Была для благородного Шекспира вырезана;/ В ней гравер вел борьбу/ С природой, чтобы превзойти саму жизнь;/ О, если бы только он смог нарисовать его ум/ Так же хорошо, как он схватил/ Его лицо; гравюра превзошла бы все, / Когда-либо написанное на меди, / Но так как он не смог, то, читатель, смотри/ Не на его портрет, а в его книгу/».

Почему Бен Джонсон советует смотреть читателю не на портрет, а в книгу? Не потому ли, что он как посвященный в «тайну Шекспира», знал, что на портрете изображен не истинный автор напечатанных в Первом фолио произведений, и портрет – лишь условное изображение Шекспира?

В авторстве Шекспира высказывали сомнение крупные писатели, даже Байрон, а также Диккенс, писавший, что должна вскрыться «тайна» «шекспировского вопроса».

Отрицание авторства актера Шекспира порождалось различными причинами. Очень нередко это было стремление отрицать возможность того, что гениальные шекспировские творения принадлежат перу выходца из народа, и приписать их одному из представителей правящих верхов. Часто играли немалую роль и погоня за сенсацией, и желание предложить новое эффектное решение вековой загадки. А порой были здесь и искренняя любовь к великим творениям английского гения (недаром работы ряда противников авторства актера Уильяма Шекспира немало способствовали изучению шекспировских сочинений), и протест против того образа довольного собой, благонамеренного и чинного стратфордского обывателя, который на основе немногих биографических черт рисовало западное литературоведение. Наконец, причиной могло быть просто желание опустить гения до своего обывательского уровня, уж если самому обывателю нет возможности подняться до высот гения.

В поисках вероятного автора дошедших под именем Шекспира сочинений скептики, разумеется, обратились к самому ученому елизаветинцу – Фрэнсису Бэкону. Выбор был неудачен, поскольку из всех образованных людей той эпохи Бэкон был меньше всех способен написать что-либо подобное – в чем легко убедиться, сравнив его очерк «Любовь» с «Ромео и Джульеттой» или с сонетами.

Есть наряду с Бэконом и другие претенденты. Главное место занимал среди них Кристофер Марло. В Америке, бывлом оплоте бэкониианской теории, было популярно авторство Э. Дайера (около 1545–1607 гг.) которого защищал О. Брукс, написавший книгу о том, что Шекспир из Стратфорда был вовсе не поэтом, а всего лишь секретарем и литературным агентом. Но Дайер, как и Оксфорд, умер слишком рано и не мог написать позднейшие пьесы шекспировского канона.

На сегодняшний день кандидатов на роль великого Барда насчитывается ни много ни мало около шестидесяти. Пожалуй, трудно найти представителей елизаветинской аристократии, которых не наделяли хотя бы небольшим участием в сочинении шекспировских сонетов, трагедий и комедий. О многих из претендентов неизвестно даже то, что они когда-либо набросали хоть несколько стихотворных строк или проявляли интерес к театру.

Потом в число претендентов был зачислен граф Рэтленд. Позднее Рэтленда сменили графы Дерби и Оксфорд, сохраняющие роль главных претендентов вплоть до наших дней. Кандидатура Эдварда де Вира, семнадцатого графа Оксфордского, пользуется в Англии поддержкой множества влиятельных исследователей. Он гораздо более вероятный, чем Бэкон, кандидат, поскольку был поэтом, покровителем актерской труппы и, согласно Мересу, считался вместе с Д. Лили, Р. Грином и Шекспиром «лучшим среди нас по части комедии». К несчастью для сторонников Оксфорда, он умер в 1604 году – прежде, чем были написаны многие пьесы Шекспира, включая «Бурю».

Количество претендентов все возрастает, в их число попала даже жена Шекспира. Более того, появилась уже версия, что на самом деле Шекспир был итальянцем. Якобы он родился на Сицилии и звали его Микеланджело Кролаланца. Затем, спасаясь от инквизиции, он переехал в Англию и поменял фамилию. Отсюда, мол, и итальянский антураж – Верона, Венеция и др.

Среди нестратфордианцев есть сторонники авторства, принадлежащего лорду Хансдону, Генри Рисли, графу Саутгемпτονу и даже королеве Елизавете и королю Якову I.

Есть приверженцы идеи так называемого смешанного авторства. По их мнению, Шекспир, как автор пьес, это:

Роджер Мэннерс, 5-й граф Рэтленд + его жена графиня Елизавета Рэтленд + графиня Пембрук;

Марло + Бэкон + Оксфорд;

Бэкон + Рэтленд;

Графиня Пембрук + (ее сыновья) Уильям Пембрук и Филип Монтгомери;

Филипп Сидни + граф Оксфорд.

Пытаясь восстановить даты биографии знаменитого драматурга и заставить Барда выдать свою тайну, исследователи, что естественно, обращаются к его творчеству.

Они говорят: ничто из того, что нам известно о Шекспире, не заставляет предполагать, что он был каким-то таинственным, скрытым человеком, склонным держаться на расстоянии от друзей. Совсем наоборот, современники отмечали его природную любезность, обходительность и прямой нрав, и, видимо, он прошел свой жизненный путь достойно и открыто, сохраняя привязанность к своим собратьям по актерскому ремеслу, не тревожимый муками неудовлетворенного честолюбия.

«Поэтому особенной иронией судьбы было то, – справедливо замечает один из новейших биографов Шекспира Кеннел, – что непроницаемая завеса скрыла столь многие стороны его жизни и труда и что там, где он ближе всего подходит к сознательному самовыражению, резуль-

тат, которого он достигает, ныне кажется наиболее покрытым тайной». Речь идет о знаменитых сонетах, загадку которых пытались разгадать многие сотни, если уже не тысячи, исследователей. Когда написаны были эти «сладкозвучные», как выразился один современник, сонеты, кто вдохновил поэта на их создание, о ком говорится в них? Большинство серьезных шекспироведов пришли к выводу, что по крайней мере часть сонетов связана с покровителем Шекспира молодым блестящим аристократом Генри Рисли, графом Саутгемптоном. Но такой, как и любой другой, ответ является только гипотезой. Этим широко пользуются антистратфордianцы – под этим именем объединяют всех противников авторства Шекспира из Стратфорда. Они постоянно превращают поэтические иносказания в намеки на обстоятельства жизни своего кандидата на трон «короля драматургов».

К примеру, вторая строфа 107-го шекспировского сонета гласит:

Свое затмение смертная луна
Пережила назло пророкам лживым.
Надежда вновь на трон возведена,
И долгий мир сулит расцвет оливам.

Пер. С. Маршака

Еще в XIX веке некоторые шекспироведы увидели в этих строках намеки на поражение испанской «Непобедимой армады». И вот почему. Современник Шекспира Петручио Убальдино в «Трактате об испанском флоте» (1588) писал: «Боевой строй флота испанцев напоминал полумесяц». Рога «луны» были обращены к английскому берегу – командование армады надеялось поймать в образовавшийся полукруг и истребить вражеские корабли. Авторитетный биограф Шекспира Лесли Хотсон присоединился в 1949 году к мнению, что сонет 107 упоминает о разгроме Армады. Хотсон склонен считать, что есть еще два сонета (123-й и 124-й), содержащие отклик на события конца 80-х годов XVI века. Так, в сонете 123 можно прочесть:

...Те пирамиды, что возведены
Тобою вновь...

Пер. С. Маршака

Быть может, здесь имеется в виду реставрация по приказу папы Сикста V четырех египетских обелисков в 1586–1589 годах? В переводе С. Маршака, в котором даются и все приводимые ниже цитаты, первая строфа сонета 124 передана так:

О, будь моя любовь – дитя удачи,
Дочь времени, рожденная без прав, —
Судьба могла бы место ей назначить
В своем венке иль в куче сорных трав.

Однако оригинал допускает и другое толкование. Речь может идти о «пасынке судьбы, ненавистном для его времени». Хотсон склонен видеть здесь намек на французского короля Генриха III, ставшего ненавистным для парижан особенно после того, как в конце 1588 года он приказал заколоть герцога Гиза, и погибшего менее чем через год от кинжала Жака Клемана. Подтверждение этой догадки Хотсон хотел бы видеть и во второй строфе сонета, где поэт говорит про свою любовь:

...Ей не сулит судьбы слепая власть
Быть жалкою рабой благополучий

И жалкой жертвой возмущенья пасть.

Последняя строка в буквальном переводе – «пасть под ударом рабского возмущения». Таким образом, можно предположить, что сонеты 107–124 написаны в 1588 и 1589 годах. Обратимся теперь к сонету 104:

Ты не меняешься с теченьем лет.
Такой же ты была, когда впервые
Тебя я встретил. Три зимы седые
Трех пышных лет запорошили след.

Три нежные весны сменили цвет
На сочный плод и листья огневые,
И трижды лес был осенью раздет...

Последняя строка при дословном переводе звучала бы так: «Три благоухающих апреля сгорели в трех жарких июнях (Three April perfumes in three hot Junes burn'd)». Предполагая, что сонет 104 появился в 1589 году, первый сонет можно считать созданным в апреле 1586-го или в 1587 году (в зависимости от месяца написания сонета 104).

Приведенные выше гипотезы имеют некоторое основание, впрочем, весьма шаткое, особенно отнесение первого сонета к весне 1586-го или 1587 года. Оно полностью исходит из недоказуемого предположения, что поэт немедленно откликнулся на злобу дня – на этом построены и все остальные догадки, – а также из уверенности, что все цитированные сонеты относятся к одному и тому же лицу. Это может соответствовать, а может и не соответствовать действительности.

Королевская версия

Д. Э. Суит в опубликованной в 1956 году книге «Шекспир (тайна)» соглашается с этими попытками датировки сонетов, но добавляет к ним и собственные размышления. В «Ромео и Джульетте» упоминается, что «ныне минуло одиннадцать лет, как произошло землетрясение». Памятное землетрясение в Лондоне было в 1580 году, пишет Суит, следовательно, «Ромео и Джульетта» создана в 1591 году (обычно эту драму относят к 1594 году). Напрасно было бы надеяться получить у автора ответ на напрашивающийся вопрос: почему при упоминании в пьесе о землетрясении в Италии, где разворачивается действие «Ромео и Джульетты», обязательно имеется в виду лондонское землетрясение? Интересно, что бы делал Суит, если бы последнее землетрясение произошло в Лондоне лет за 50—100 до рождения Шекспира?

Между тем, на такой более чем шаткой основе Суит строит свое ошеломляющее открытие, что под псевдонимом Шекспира скрывался не кто иной, как сама... королева Елизавета. В подтверждение этой теории некто Джон Бейкер сравнил портреты Елизаветы Тюдор и изображение Шекспира с того самого знаменитого Первого фолио, после чего пришел к выводу, что второй явно писался с первого.

Какие же доказательства приводит Суит в защиту своей теории? Во-первых, как следует из вышеизложенного, Шекспиром мог быть лишь человек, который уже в 1586–1589 годах стал лучшим поэтом в Англии (сонеты), а в 1591 году – лучшим драматургом. Большинство претендентов явно не удовлетворяют этому условию.

Во-вторых, только Елизавета могла обладать теми широкими познаниями, той силой ума и талантом проникновения в чувства и помыслы людей, которые присущи Шекспиру.

В-третьих, известно, насколько королева была находчива и быстра на язык, – нет ничего удивительного, что в шекспировском словаре как минимум 15 тысяч (по другим подсчетам – 20 тысяч) слов. Суит, разумеется, обнаруживает сходство между положением, в котором нахо-

дятся герои шекспировских пьес, и Елизаветой, которую обманывал ее любимый граф Лейстер. К тому же разве не странно, что наряду с волевыми, решительными героинями шекспировских пьес – Порцией, Розалиндой и Виолой – столь часто появляются колеблющийся Гамлет, ревнивый до безумия Отелло, слепо внимающий льстецам Лир, Кориолан (подобно Эссексу), храбрый воин, но подчиняющийся женщине с твердым характером – своей матери?

Вдобавок Шекспир почему-то не сочинил элегию на смерть Елизаветы. И еще один интересный факт – Шекспир ничего не написал в 1603 году, когда скончалась королева. После этого года продуктивность драматурга резко упала – не потому ли, что появляются на свет лишь пьесы, написанные ранее Елизаветой? И наконец, последние пьесы («Тимон Афинский», «Перикл», «Цимбелин», «Зимняя сказка», «Буря», «Генрих VII») демонстрируют, по мнению Суита, явное падение творческих сил создателя «Гамлета». Разве это не подтверждение того, что речь идет о пьесах, предшествующих более зрелым произведениям «Шекспира» и опубликованных лишь после кончины подлинного автора – Елизаветы? А то, что у королевы были причины взять псевдоним, – это ясно и без особых свидетельств, ей, конечно, нечего было и думать о том, чтобы печатать пьесы под своим именем. А после смерти Елизаветы ее завещание выполнила наперсница королевы Мэри Герберт, графиня Пемброк, героиня сонетов, которые при издании были – тоже возможно – посвящены ее сыну Уильяму Герберту (на титуле значатся таинственные W. H. – может быть, это означает William Herbert?). Та же графиня Пемброк и опубликовала первое собрание сочинений Шекспира...

Мы привели здесь доводы Суита, характерные для антистратфордских теорий. Не слишком доказательно, правда?

Бэконская теория

Помимо доказательств, которые должны, как мы видели, свидетельствовать, что не актер Шекспир написал пьесы, изданные под его именем, есть и много других, призванных подтвердить, что они созданы именно данным претендентом и никем другим. Так, бэконисты, например, отыскивали в пьесах Шекспира шифр. Если по определенной системе брать буквы с разных страниц первого издания его произведений, то можно якобы составить фразу, удостоверяющую, что они написаны Фрэнсисом Бэконом.

В книге «Шекспир» ее автор М. Морозов сообщает, что уже в 1772 году настоящим автором пьес Шекспира был назван Фрэнсис Бэкон. Морозов цитирует Герберта Лоренса, друга знаменитого актера Дэвида Гаррика: «Бэкон сочинял пьесы. Нет надобности доказывать, насколько он преуспел на этом поприще. Достаточно сказать, что он назывался Шекспиром».

Впервые гипотезу о том, что авторство пьес Шекспира принадлежит нескольким людям и в первую очередь философу и государственному деятелю Фрэнсису Бэкону (автору утопии «Новая Атлантида»), выдвинула американская писательница, однофамилица философа, Делия Бэкон. В книге «Разоблачение философии пьес Шекспира» (1857) она ссылаясь на близость многих философских идей Бэкона шекспировскому мировоззрению.

Считается, что Фрэнсис Бэкон был одним из основателей современного масонства и принадлежал к ордену розенкрейцеров. Философские идеи в пьесах Шекспира демонстрируют, что их автор был хорошо знаком с доктринами и идеями розенкрейцеров. Сторонники авторства, принадлежащего Бэкону, считают, что он зашифровал в пьесах Шекспира секретное учение братства розенкрейцеров и истинные ритуалы масонского ордена. Исследователь Б. Киви в статье «Если дело дойдет до суда» сообщает: «Например, в трагедии «Буря» первое слово пьесы «Ботсман» (Boteswaine) начинается, как обычно, с буквы, окруженной замысловатыми виньетками. Но в 1930-е годы среди этих виньеток разглядели многократно повторенное имя «Francis Bacon»».

В статье «Бэкон, Шекспир и Розенкрейцеры» говорится о явном сходстве портрета Бэкона и портрета Шекспира, помещенном в Первом фолио.

Авторство Бэкона отвергалось исследователями по одной простой причине: в Первом фолио, вышедшем в 1623 году, все хвалебные стихотворения поэтов говорили о посмертном издании пьес (да и памятник на могиле Шекспира в Стратфорде уже существовал), а Фрэнсис Бэкон (вот незадача!) был еще жив.

Или еще более поразительный факт – бросающееся в глаза совпадение между мыслями, обнаруженными в записных книжках Бэкона и пьесах Шекспира. А между тем этих мыслей философ в произведениях, изданных под его собственным именем, не излагал или же если и высказывал, то только после опубликования шекспировских трагедий и комедий, где встречаются параллельные замечания и утверждения.

Трудно предположить, чтобы актер Шекспир имел возможность знакомиться с заметками, которые делал государственный деятель Фрэнсис Бэкон исключительно для себя лично, в записных книжках, отнюдь не предназначенных для постороннего взгляда. Не следует ли из этого, что сам Бэкон повторил свои мысли, зафиксированные сначала в записных книжках, в пьесах, которые опубликовал под именем Шекспира?

Немало подобных совпадений найдено и подобных вопросов поставлено в произведениях антистратфордианцев, пытающихся доказать, что Шекспир из Стратфорда был лишь маской, за которой скрывался действительный автор шекспировских произведений. По их мнению, автор шекспировских пьес должен был быть человеком, связанным с феодальными аристократами, представителем высшей знати, родственником или активным сторонником Ланкастерской династии, победившей в Войне Алой и Белой розы, поклонником Италии, любителем музыки и спорта, щедрым, имеющим склонность к католицизму и т. д.

Едва ли не самый сильный (если не единственный чего-то стоящий) аргумент бэconiанцев – это выяснение того факта, что два елизаветинца – писатели Холл и Марстон в своих сатирических произведениях, опубликованных соответственно в 1597 и 1598 годах, давали понять, что считали Фрэнсиса Бэкона автором двух ранних поэм Шекспира «Венера и Адонис» и «Похищение Лукреции».

Вернее было бы сказать, что, по мнению Холла, эти – или какие-то другие – поэмы были частично написаны неким неназванным юристом, а Марстон, обращаясь к этим утверждениям Холла, понял их таким образом, что скрывшийся под псевдонимом автор – Фрэнсис Бэкон. Однако ведь другие современники не сомневались, что Шекспир – это Шекспир из Стратфорда. Почему же считать, что ошибались они, а не Холл и Марстон? «Можно доказать, – справедливо замечает один из авторитетных исследователей этого вопроса Г. Гибсон, – что Холл и Марстон первыми выдвинули «бэconiанскую теорию», но это не доказывает и не может доказать правильность этой теории».

Однако есть и другая сторона медали. Стратфордианцы не остались в долгу, нанося один за другим удары по основам построений своих противников и обвиняя их прежде всего в том, что они изучают Шекспира без знания среды, в которой он вращался, без исследования творчества драматургов его эпохи. А если поставить изучение Шекспира в эти рамки, уверяют они, многие сомнения отпадут сами собой.

Рэтлендовская теория

«Рэтлендовскую теорию» создал в 1907 году Карл Блейбтрей. Эта теория, надо сказать, имеет немало очень убежденных в ее правоте сторонников. Например, один из российских последователей Блейбтрея Ф. Шипулинский в 1924 году брызгал слюной от злости, не понимая, как можно отождествлять неграмотного мясника, торговца, кулака и ростовщика с автором «Гамлета» и «Бури»: это же, мол, надо совсем не понимать, не чувствовать Шекспира.

В свою очередь, русский исследователь Пороховщиков, который работал в архиве родового замка Рэтлендов Бельвуар, обнаружил рукопись песни из пьесы «Двенадцатая ночь» Шекспира, написанную рукою Рэтленда. Убежденный «рэтлендовец» И. Гилилов сделал попытку доказать, что под именем Шекспира писали Роджер Мэннерс, 5-й граф Рэтленд, и его

жена Елизавета Рэтленд. Книга была переведена на многие языки и наделала большой переполох среди шекспироведов.

Канва жизни Рэтленда в шекспировском облике, по Гилилову, выглядит так. Роджер Мэннерс, 5-й граф Рэтленд (1576–1612) рано остался без отца. Благодаря своему знатному происхождению он стал «ребенком государства», воспитывал его знаменитый философ и ученый Фрэнсис Бэкон. В колледже Рэтленд имел прозвище «*Shake-Speare*» («Потрясающий копьем»). Имя «Уильям Шекспир» впервые появилось в 1593 году под посвящением графу Саутгемптону эротической поэмы «Венера и Адонис», которая считается «первенцем» Шекспира. В 1596 году Рэтленд был внесен в списки студентов знаменитого в то время Падуанского университета в Италии. Вместе с Рэтлендом в списках значились студенты из Дании – Розенкранц и Гильденстерн. В «Гамлете» эти фамилии носят студенческие приятели датского принца.

Помимо этого, «рэтлендцы» в защиту своей теории приводят еще целый ряд фактов, а именно:

- Рэтленд владел французским, итальянским, латынью и древнегреческим. Он был эрудированным человеком, т. е. его словарь мог состоять из 20 тысяч слов. Примерно такое количество, как мы уже упоминали, зафиксировано исследователями в произведениях Шекспира;

- Рэтленд был другом графа Саутгемптона, которому он посвятил две свои первые поэмы. В то время Рэтленду было 17–18 лет. Из посвящений видно, что Рэтленд и граф Саутгемптон находились на одной ступени социальной лестницы;

- Рэтленд проявлял большой интерес к театру;

- во втором издании «Гамлета» появились детали замка Эльсинор, – как раз после поездки Рэтленда в Данию с посольством;

- конец творческой деятельности Шекспира совпадает со смертью Рэтленда – лето 1612 года. В 1613 году Шекспир навсегда уезжает из Лондона в Стратфорд-на-Эйвоне.

- надгробный памятник Шаксперу в церкви Святой Троицы в Стратфорде сооружен теми же скульпторами, которые работали над надгробием Рэтленда в семейной усыпальнице.

Книга И. Гилилова во многом посвящена сборнику стихов Роберта Честера «Жертва любви», изданному в начале XVII века. В нем есть стихотворение «Феникс и Голубь» (*The Phoenix and Turtle*), подписанное именем *Shake-Speare*. Существует единственный поэтический перевод этого стихотворения на русский язык, сделанный Михаилом Лозинским, у которого это стихотворение имеет название «Феникс и Голубка». В нем Феникс – это мужчина, а Голубка, соответственно, женщина. И. Гилилов доказывает, что наоборот – Фениксом является женщина, а Голубем – мужчина, и что в стихотворении под именами Феникса и Голубя оплакивались мужчина и женщина, которыми были граф Рэтленд и его жена Елизавета. В сборнике есть стихотворения других поэтов – Роберта Честера, Бена Джонсона, Джона Марстона и Джорджа Чапмена. Все они также оплакивают некую ушедшую из жизни, не имевшую потомства чету, которую связывала только платоническая любовь. Другими словами, И. Гилилов уверен, что этот сборник есть тайный и единственный отклик современников на смерть Шекспира. Рэтленд, как считает И. Гилилов, не желая публиковать пьесы под своим именем, предпринял великую мистификацию – договорился с ростовщиком Шакспером и приписал ему свое авторство; благо *Shakspere* (Шакспер) и *Shake-Speare* (Шекспир) почти одинаково пишутся и произносятся! (Нужно отметить, что И. Гилилов не все сочинения Шекспира приписывает чете Рэтленд. В качестве возможных соавторов он также рассматривает графиню Мэри Пэмбрук.)

Более того, Шакспер бросил актерство и покинул Лондон именно в 1613 году, потому что в 1612 году умирает граф Рэтленд, а через две недели кончает жизнь самоубийством его жена Елизавета, и договор с Шакспером прекращается. Все бы ничего, но есть одно маленькое «но»: аргументы в пользу авторства Рэтленда рушатся как карточный домик, когда читатель узнает дату рождения графа. Он появился на свет 6 октября 1576 года. А первые пьесы Шекспира,

как установлено, шли на сцене начиная с 1590 года. Выходит, что Рэтленд начал писать в 13–14 лет, что, как понятно всем, очень и очень маловероятно, попросту невозможно...

Оксфордская теория

Автором гипотезы, что произведения Шекспира создавал Эдуард де Вер, граф Оксфорд (он родился в 1550 году, а умер в 1604-м), был англичанин Томас Луни. Он ссылаясь на то, что стихотворения графа, подписанные его именем, имеют сходство с поэмой Шекспира «Венера и Адонис». Кроме того, как сообщает Луни, граф Оксфорд, на гербе которого изображался лев, потрясающий сломанным копьем, был образованнейшим человеком своего времени и находился в курсе дворцовых интриг, отражение которых имеет место во многих пьесах Шекспира. Граф Оксфорд покровительствовал нескольким театрам и принимал активное участие в литературной и театральной жизни Англии той поры. На портрете он имеет вид наблюдателя со стороны, человека, который привык сидеть на репетициях в партере.

Основываясь на анализе шекспировских произведений, Т. Луни вывел характерные черты их автора и сделал вывод, что всеми ими мог вполне обладать граф Оксфорд. А американский исследователь Стрейтс пошел еще дальше и заявил, что под псевдонимом Шекспир писал не просто 17-й граф Оксфордский, а незаконнорожденный сын королевы Елизаветы I. Свои выводы ученый сделал после тщательного изучения биографий королевы, графа Оксфордского, а также его отца, любовника Елизаветы Томаса Сеймура.

Тем не менее, граф Оксфордский, что очевидно, проигрывает «конкурс на звание Шекспира», поскольку он умер в 1604 году, а в пьесах Шекспира описаны события, имевшие место после 1604 года. Но, несмотря на это, среди некоторых современных зарубежных шекспироведов граф Оксфорд по-прежнему считается наиболее серьезным претендентом на звание того самого «Шекспира».

Хансдонская теория

Одним из авторов гипотезы о том, что автором шекспировских пьес был Генри Кэри, лорд Хансдон (1522–1596), является российский литературовед Николай Кастрикин. Он изложил свою гипотезу в книге «Top Secret». В ней отмечается, что лорд Хансдон был кузеном королевы Елизаветы и придворным лордом-камергером. Он являлся основателем первого профессионального театра в Англии и покровителем шекспировской труппы. В качестве доказательств того, что именно Хансдон и был Шекспиром, Н. Кастрикин приводит следующие аргументы:

- во-первых, в 1616 году Шекспир «был перезахоронен, чтобы предотвратить перенос праха лже-автора в Вестминстерское аббатство». Автор книги ссылается в связи с этим на строки из стихотворения Бена Джонсона к Первому фолио, изданному в 1623 году: «Ты надгробный памятник без могилы»;

- во-вторых, со смертью Хансдона в 1596 году перестали появляться сонеты (в течение 1592–1595 годов их было написано 154);

- в-третьих, будучи отправленным в качестве смотрителя на шотландскую границу и служа там в течение 20 лет, Хансдон имел достаточно времени, чтобы написать 36 пьес;

- в-четвертых, душеприказчица Елизаветы (по всей видимости, ею была Мэри Пембрук), зная о лже-авторстве Шекспира, затратила громадную сумму на издание Первого фолио, первоначально планируемого к выходу в 1622 году, столетию со дня рождения кузена Елизаветы;

- в-пятых, личные качества и детали биографии Хансдона совпадают с фактами жизни автора сонетов, поэм и драм.

Для интереса мы приведем здесь формулировки нескольких «неоспоримых», по мнению противников Шекспира, доказательств того, что Генри Хансдон является единственным «правильным» претендентом на роль Барда.

Весьма прозрачный намек на авторство лорда-камергера содержится в знаменитом антишекспировском памфлете Роберта Грина, где он называет Шекспира, актера труппы «слуги

лорда-камергера», «всего лишь доверенным слугой» автора («an absolute factotum»). Первое значение слова «factotum» – «доверенный слуга» и лишь второе – «мастер на все руки», как его обычно переводят.

Антистратфордианцев поражает «совпадение деталей» загадочной смерти ставшего опасным для государства Грина в 1592 году и смерти Шекспира в 1616 году, когда, удалившись (после кончины Роберта Сесила) в родной Стратфорд, он стал, по сохранившейся легенде, прикладываться к бутылке (чего раньше якобы не делал из-за риска разглашения тайны). И там и тут – смерть примерно через месяц после пирушки втроем, на которой пили вино, оказавшееся вредным для здоровья лишь одного из них.

Не следует забывать и о заранее предсказанной пустоте могилы Шекспира, т. е. о его «достоверном» лже-авторстве, и щедром вознаграждении Хансдоном живого псевдонима, актера своей труппы, а также о том, что наперсница и душеприказчица королевы, графиня Пембрук, истратившая на первое издание собрания шекспировских пьес громадную по тем временам сумму, планировала его выход к 100-летию со дня рождения кузена королевы. Кстати, на королевские же деньги жена и дочери Хансдона воздвигли ему самый большой в Вестминстерском аббатстве надгробный памятник.

Итак, плохая латынь (по свидетельству Бена Джонсона) и бросающееся в глаза прямодушие (лучше сказать – беспощадная правдивость) автора пьес и сонетов, качества, одинаково редкие среди образованных людей того времени; владение французским (на нем написана целая сцена в Генрихе V) при склонности к непристойностям и гиперболизации, отмеченным Пушкиным и Львом Толстым; интерес к ботанике и медицине (сонет 99, «Гамлет», «Бесплодные усилия любви»); изгнанник (сонет 29), имевший достаточно досуга, чтобы приобрести энциклопедические познания, самый большой словарный запас в англоязычной литературе и написать 36 пьес, 2 поэмы и 154 сонета; знающий толк не только в театре, но и в военном деле (судя по батальным сценам его хроник); «бастард Фортуны, лишенный отца» (сонет 124), несчастливец, проклиная свою судьбу (сонеты 29, 37), отрезанный ею от славы и не ждущий радости от того, что больше всего ценит (сонеты 25, 29)... Такие характерные черты имел человек, которого принято называть Уильямом Шекспиром. И именно они заставляют буквально захлебываться от сознания своей правоты сторонников «хансдонской» теории. «Да ведь это настоящий портрет Хансдона!» – восклицают они. В самом деле: незнание латыни и прямота, о которых упоминает его современник Роберт Нантон; впитанные с молоком матери французский, сквернословие и склонность к непристойностям; отмеченная Нантоном смахивающая на хвостовство любовь к преувеличениям (видимо, унаследованная от отца); засвидетельствованный другими современниками интерес к ботанике и медицине; невозможность титулов и славы, которая, как ключ к замку, подходит к непризнанному принцу крови и сводному брату королевы, так и умершему бароном и вынужденному скрывать авторство покоривших потом весь мир трагедий под покровом государственной тайны; конечно, изгнанник (20 лет полуссылки в далеком Берике) и, конечно, не обремененный до 25 лет ни службой, ни придворными обязанностями, смотритель границы располагал вынужденным досугом для творчества и пополнения знаний; военачальник, одержавший под Карлайлем победу над превосходящими силами мятежников, Генри Тюдор, королевский бастард, не признанный отцом; несчастливец, не могущий не проклинать свою трагичную судьбу...

Особо следует выделить уникальные сочетания признаков, «родинки», совпадение которых у автора сонетов и Хансдона равносильно прямому указанию на личность последнего.

Подобным является совпадение признаков действующих лиц и деталей фабулы любовного романа Хансдона с Эмилией Бассано и автора сонетов со «смуглой леди».

Так, автор – старик (сонеты 22, 62, 63, 73, 138), но у него длительная любовная связь с молодой весьма смуглой женщиной, которая изменяет ему с его молодым другом, а потом (сонет 142) выходит замуж (не за друга), но связь с автором продолжается (сонеты 142, 152)

... Все сонеты, как и обе поэмы, вышедшие в 1593 и 1594 годах, адресованы (судя по издательскому посвящению) другу автора, причем сонет 26 мало отличается от посвящения юному графу Саутгемптону второй поэмы.

Хансдону в это время шел 72-й год. Его роман с Эмилией Бассано, молодой женщиной, дочерью музыканта-итальянца, по времени и деталям в точности повторяет роман автора сонетов со «смуглой леди»: забеременев (не от престарелого лорда-камергера), Эмилия в 1593 году фиктивно вышла замуж, и у нее родился сын, но связь с Хансдоном продолжалась, а после его смерти Саутгемптон почему-то длительно покровительствовал мужу Эмилии.

И еще одно – более редкая, чем любовная связь пожилого с молодой, дружба старика с юношей, причем сонет 20 начисто отмечает гомосексуальный подтекст со стороны автора... Хотя высокая мужская дружба была тогда в моде, возрастная разница между ними столь велика, что на людях они должны были скрывать свои дружеские отношения, чтобы не бросить на них тень (сонет 36). Старик-автор не раз утверждает, что вся его жизнь – в молодом друге и что она кончится вместе с их дружбой (сонеты 75, 93, 112).

Хансдон умер, как свидетельствуют современники, «от непонятого огорчения» через два неполных месяца после того, как Саутгемптон отправился в полную опасностей военно-морскую экспедицию. Таким образом, от Саутгемптона к Хансдону через Эмилию, ее сына и мужа и даже через саму смерть лорда-камергера тянется вполне прослеживаемая нить, указывающая на весьма необычную дружбу при возрастной разнице в 51 год!

Третье «уникальное совпадение» состоит в том, что никакая иная кандидатура, кроме Хансдона, не объясняет, почему автор сонетов, столь горячо любящий своего друга, не откликнулся ни единой строкой на его заключение в Тауэр (после провала заговора Эссекса в 1600 году), на его мужественное поведение во время суда, на смертный приговор, позднее замененный пожизненным заключением? Ответ один: автора уже не было в живых, и создание сонетов прекратилось с его смертью в 1596 году, хотя Шекспир прожил после этого еще 20 лет, включая 1609-й год, когда они были опубликованы с посвящением издателя, в то время как две «шекспировские» поэмы вышли в 1593 и 1594 годах с пространными посвящениями автора. Объяснение заключается в том, что, будучи лишь оплаченным псевдонимом, Шекспир ничего не знал о глубоко личных стихах своего покойного патрона, и их отдал издателю некий «мистер W. H.», которого, как он пишет, «обещал обессмертить наш вечно живой поэт». Кстати, W. H. – переставленные, что тогда практиковалось, инициалы Саутгемптона (Wriothesley, Henry).

К несчастью для сторонников этой теории, Хансдон, как и граф Оксфорд, умер раньше, чем «нужно», – в 1596 году, а в пьесах Шекспира описаны события, имевшие место уже после 1596 года.

Но антистратфордianцы не унывают и находят контраргумент: нет ни одной (!) убедительной датировки написания пьес позже 1596 года, когда, как мы знаем, умер Хансдон, а потуги так или иначе привязать их к дате первой постановки не заслуживают серьезного внимания.

Сесиловская теория

Прежде всего любопытно отметить, что в число претендентов на лавры Шекспира включен его главный антагонист – Роберт Сесил, главный советник короля Якова I. Это «открытие» было сделано в США. Так, в 1916 году в Индианаполисе появилось исследование Д. М. Максвелла «Человек под маской: Роберт Сесил, граф Солсбери, – единственный действительный автор шекспировских пьес». И правда, годы жизни Сесила близки к годам жизни Шекспира. В сонетах Максвелл обнаружил намеки на физические недостатки автора, а известно, что все-таки министр был горбуном. Кроме того, Максвелл объявил автобиографической сцену в «Гамлете», где Полоний прощается со своим сыном Лаэртом перед его отъездом в Париж. Исследователь даже счел возможным приписать Сесилу пьесы не одного Шекспира, но и боль-

шинства других драматургов эпохи (в этом отношении американец, впрочем, следовал только примеру бэкониианцев: некоторые из них были столь же щедры в отношении своего кандидата).

Иезуитская теория

В том же 1916 году другой американец, Гарольд Джонсон, издал в Чикаго работу под названием «Написали ли иезуиты “Шекспира”?». Джонсон ответил на этот вопрос утвердительно. Вынужденные уйти в подполье, святые отцы во время нередко представлявшегося им досуга якобы и сотворили шекспировские трагедии, комедии и сонеты как средства антиправительственной пропаганды. (Сторонники авторства Оксфорда, напротив, уверяют, что он и возглавляемая им группа придворных сочиняла шекспировские пьесы для пропаганды против Испании и католиков.)

Откуда же тогда взялся псевдоним «Шекспир»? И на это у Гарольда Джонсона был ответ. Псевдоним навеян именем и фамилией папы Адриана IV (1154–1159), единственного англичанина, занимавшего кресло главы католической церкви. До избрания папой он носил имя Николас Брекспир (Break-speare). По-английски это значит «ломатель копья». Отсюда недалеко и до «потрясателя копья», т. е. Шекспира. К тому же, как и актер Шекспир, папа Адриан был выходцем из простой среды. Понятно, что теория Джонсона не осталась без подражаний, особенно среди католиков. Не раз появлялись книги, сочинители которых тщетно пытались прочесть в шекспировских пьесах, что их автор был католиком.

Теория Дерби

Однако к взглядам, защищаемым Максуэллом и Г. Джонсоном, антистратфордианцы относятся с презрительной иронией, как к не заслуживающим внимания чудачествам. Иное дело – теория, утверждающая авторство Уильяма Стэнли, шестого графа Дерби (1561–1642), который наряду с Оксфордом и Бэконом считается одним из главных претендентов на роль Шекспира. Его инициалы (W. S.) совпадают с инициалами Шекспира. Именно так были подписаны некоторые ранние издания шекспировских пьес.

Отправным пунктом для защитников авторства Дерби служат донесения иезуитского шпиона (его фамилия или псевдоним – Джордж Феннер), переписывавшегося с отцом Парсонсом в Риме и с другими людьми. Два из этих донесений, датированные 30 июня 1599 года, были перехвачены контрразведкой Тайного совета и сохранились в английском государственном архиве. Шпион сообщал Парсонсу о попытках убедить нескольких английских аристократов, благосклонно настроенных в отношении католицизма, принять участие в заговоре против Елизаветы. Особенно желательным участником заговора был бы граф Дерби, имевший какие-то отдаленные права на трон. Понятна поэтому горечь иезуитского соглядатая, убедившегося, что на привлечение этого вельможи нет надежды, так как «граф Дерби занят ныне только писанием комедий для простых актеров».

Эта фраза с небольшими вариациями повторяется в обоих перехваченных донесениях. Отсюда, конечно, никак не следует, что речь идет именно о пьесах Шекспира. Это очень скудное основание для выдвижения кандидатуры Дерби (которое, правда, пополняется другими столь же малоубедительными доводами). Надо лишь заметить, что даже в такой степени попытка связать материалы разведки с вопросом об авторстве текстов вызывает большое сомнение. Следует ли понимать буквально сообщение Джорджа Феннера? Зачем он это довольно безразличное для его иезуитских начальников обстоятельство настойчиво повторяет в двух донесениях, направленных в тот же адрес, и при этом повторяет почти в тех же самых выражениях? Кто знает, не скрывается ли за этой невинной фразой зашифрованное сообщение, относящееся к интересам католического заговора и возможному участию в нем графа Дерби?

Часть антистратфордианцев сочла драму «Ричард II» и роль, которую она сыграла в мятеже Эссекса, «недостающим звеном», позволившим связать пьесы Шекспира с их «подлинным» автором. Главное усердие в данном случае проявляют бэкониианцы и сторонники кандидатуры графа Дерби. Бэкониианцы цитируют «Апологию», написанную будущим лордом-канц-

лером. Бэкон – в прошлом один из приближенных Эссекса, назначенный теперь в число его судей, – явно нуждался в том, чтобы объяснить свое поведение. В «Апологии» он передает разговор с королевой по поводу книги Д. Хейуорда о Генрихе IV, в которой повествовалось о свержении с престола Ричарда II и которая была посвящена Эссексу. На титульном листе книги были поставлены инициалы Д. Х., а в латинском посвящении – полностью фамилия автора – Д. Хейуорд. Однако королева, видимо, заподозрила, что он был лишь подставной фигурой, и предложила подвергнуть его пытке на дыбе. Бэкон убедил свою разгневанную повелительницу отказаться от этого намерения. Между тем, кем-то был пущен слух, что настоящим автором был сам Бэкон, поэтому, когда ему предложили указать на процессе Эссекса, что тот потворствовал появлению «мятежной» книги Хейуорда, Бэкон возражал, говоря, что сочинения Хейуорда – это старое дело (книга была издана более чем за год до мятежа), и ему, Бэкону, особенно неудобно выступать обвинителем по данному вопросу, не дав новую пищу слухам об авторстве. Из всего этого разъяснения в «Апологии» бэконянцы (в частности, Б. Д. Теобалд в книге о Бэконе) делают совершенно поразительный вывод: в ней речь идет вовсе не о сочинении Хейуорда – там ведь точно был указан автор, – а о шекспировском «Ричарде II». И что, следовательно, Бэкон – автор «Ричарда II» и других драм и комедий, приписываемых Уильяму Шекспиру. Вывод, надо прямо сказать, неожиданный. Дело в том, что в «Апологии» сообщается о посвящении сочинений Эссексу – это могло относиться только к книге Хейуорда, а никак не к драме «Ричард II», о которой в рассказе Бэкона вообще не говорится ни слова. К тому же Бэкон не признает себя автором книги, в которой излагалась история гибели Ричарда II, а, наоборот, решительно опровергает, что имел какое-либо касательство к этому сочинению. Приводится еще аргумент, будто королева не могла заподозрить кого-либо в авторстве книги Хейуорда, поскольку его имя было напечатано на титульном листе, тогда как, мол, драма «Ричард II» не содержала таких сведений. Этот довод звучит особенно оригинально из уст людей, которые предполагают, что указание фамилии Шекспира на его произведениях, в том числе на прижизненных изданиях, является лишь мистификацией, скрывающей подлинного автора.

Д. Титерли, один из главных сторонников кандидатуры графа Дерби, пытается подыскать другие аргументы. Он приводит записи начальника государственного архива Уильяма Ламбарда, давно, впрочем, известные, о разговоре с Елизаветой, состоявшемся вскоре после мятежа Эссекса. Королева резко заметила своему собеседнику:

«Я – Ричард II, разве вы этого не знаете?» Тогда Ламбард вежливо намекнул, что это, мол, лишь выдумки Эссекса, не назвав его прямо по имени. В ответ Елизавета бросила загадочную фразу: «Кто готов забыть Бога, забудет и своих благодетелей; эта комедия 40 раз игралась на площадях и в зданиях». Эти слова уже никак не могли касаться Эссекса. Титерли относит их к Шекспиру – т. е. Дерби, другие – к Оксфорду, некоторые бэконянцы – к Бэкону. Между тем никто из них не подходит к фразе, в которой говорится о безбожии и забвении благодетелей. Ни один из них не получал каких-то исключительных милостей от королевы и не мог быть обвинен в нелояльности. Каков же действительный смысл сказанного Елизаветой и переданного в очень несовершенной записи Ламбарда? Вероятнее всего, две фразы толкуют о совсем разных лицах. В первой речь идет явно об Эссексе (в ответ на намек Ламбарда), во второй – о драме Шекспира, которую ставили в день мятежа бывшего королевского фаворита и которую Елизавете было естественно вспомнить в такой связи, тем более что беседа началась с упоминания о Ричарде II и что мысли королевы давно уже были заняты историей свержения и смерти этого монарха.

Теория Марло

Одна из наиболее популярных версий выдвигает в качестве автора всего написанного Уильямом Шекспиром его великого современника – драматурга Кристофера Марло.

Среди самых известных сторонников кандидатуры Марло – американский журналист Калвин Гофман, издавший в 1955 году шумевшую книгу, в которой попытался доказать эту теорию. Марло коренным образом отличается от других кандидатов тем, что он был действительно драматургом, и притом гениальным. Если бы не ранняя смерть Кристофера Марло, то у Шекспира, вероятно, был бы среди современников действительно равный ему соперник. Марло погиб 29 лет от роду – в 1593 году, когда подавляющая часть произведений Шекспира была еще не написана. Это, казалось бы, непреодолимое препятствие, но и оно не смущает сторонников кандидатуры Марло, у которых находится ответ на любое возражение.

Чтобы понять их аргументацию, следует напомнить несколько фактов из жизни Марло, о которой, между прочим, мы знаем ничуть не больше, чем о жизни Шекспира. Родившийся в тот же год, что и Шекспир, сын сапожника из Кентерберри Кристофер Марло сумел окончить Кембриджский университет, получить степень магистра. Еще в университете он поступил на службу к Фрэнсису Уолсингему – всесильному главе королевской разведки. Это не был какой-то исключительный случай. Агентами секретной службы состояли и другие деятели тогдашнего литературного и театрального мира, например шотландский поэт Энтони Мэнди (действовавший в английском колледже в Риме), драматург и актер Мэтью Ройстон, рано умерший талантливый драматург Уильям Фаулер, может быть, и Бен Джонсон.

В феврале 1587 года молодой Марло исчез из Кембриджа, не сообщив никому, куда уехал. Он вернулся только в июне того же года. Когда же университетские власти надумали было строго допросить студента о причинах его продолжительной отлучки, им из столицы намекнули на неуместность подобного любопытства. Марло в качестве тайного агента Уолсингема или одного из его помощников посетил различные страны континентальной Европы. Он выдавал себя за свежее испеченного католика. Марло заезжал в Реймс, где в то время находился один из центров подготовки католических священников из англичан-эмигрантов. Там будущий драматург беседовал с отцом Парсонсом; резко отзывавшемся о королеве Елизавете студенту рассказывали о планах католического подполья в Англии.

Однако позднее отношения Марло с правительством явно испортились. Он примкнул к вольнодумному кружку блестящего мореплавателя и ученого Уолтера Рали. Иезуиты докладывали, что Рали и его друзья «развлекались» тем, что читали наоборот слово «бог» и получали слово «пес» («god» – «dog»). В правительственных кругах на занятия кружка Рали тоже смотрели с недоверием. Шпионы Роберта Сесила ведь не могли знать, что через три века часть усердных антистратфордianцев объявит, будто кружок занимался, так сказать, «коллективным написанием» пьес актера придворной труппы Уильяма Шекспира. Марло обвинили в атеизме и хотели предать суду. 20 мая 1593 года его вызвали на заседание Тайного совета. Однако он не был арестован, его только обязали каждый день отмечаться в канцелярии Совета до тех пор, пока не будет вынесен приговор по его делу. Неизвестно, чем было вызвано это относительно милостивое решение – недостаточно обоснованным обвинением, какими-то сохранившимися у Марло связями или даже намерением использовать его вновь в интересах «службы», а быть может, и желанием покончить втихомолку со ставшим неудобным писателем, не связывая себя официальным судебным процессом.

Марло был, таким образом, отпущен впредь до нового решения Совета, но оно так и не состоялось, так как через 10 дней подсудимый был убит. Известно, однако, что Тайный совет за это время получил дополнительные обвинения против Марло, содержащиеся в доносе одного из его агентов – Ричарда Бейнса. Обвинения были, очевидно, настолько серьезны, что копия доноса Бейнса была направлена королеве. В этой бумаге отмечалось, что донос поступил 2 июня, когда, по другим сведениям, Марло был уже два дня мертв. В самой копии указывалось, что он умер через три дня после получения Советом доноса. Странное обстоятельство, если не счесть это результатом ошибки переписчика. Он собирался, вероятно, написать – за три дня «до», а указал – через три дня «после» получения доноса наступила смерть неблагонадежного

сочинителя пьес. Ибо иначе трудно понять, почему ничего не упоминается о действиях, которые должен был бы предпринять Совет, будь Марло еще живым в момент доставки документа. А таким действием мог быть только приказ о немедленном аресте.

Необходимо отметить еще один немаловажный факт. В доносе Бейнса наряду с Марло названы сэр Уолтер Рали и математик Гарриот и указано, что обвинение должно быть распространено на ряд других связанных с ними высокопоставленных лиц, имена которых будут названы позднее. В копии же доноса, посланной Елизавете, имя Рали было опущено.

Что же произошло с Кристофером Марло? В Дептфорде, селении, расположенном в нескольких милях от Лондона, день 30 мая 1593 года начался как обычно. Жители городка могли лишь снова поздравить себя с тем, что эпидемия чумы, свирепствовавшая в столице, обошла стороной Дептфорд и даже вызвала сюда наплыв перепуганных лондонцев, плативших хорошие деньги за помещение и стол. Народу понаехало так много, что никто не обратил внимания на четырех человек, также прибывших из столицы, хотя трое из них имели более чем сомнительную репутацию. Это были карточный шулер Инграм Фризер, его достойный помощник вор Николас Скирс и, наконец, правительственный шпион и провокатор Роберт Пули. А четвертым был человек, которого, казалось бы, трудно было встретить в такой компании, – Кристофер Марло.

Все четверо отправились в трактир на улице Дептфорд-стрэнд, принадлежавший некоей Элеоноре Булл. Там они начиная с 10 часов утра, как отмечалось позднее в протоколе, составленном следователем, «пообедали и после обеда мирно прогуливались, бродили по саду, примыкавшему к указанному дому, вплоть до шести часов вечера. Вслед за тем они вернулись из упомянутого сада и совместно поужинали». После ужина Марло улегся на кровать в своей комнате, тогда как трое его компаньонов уселись на скамейку спиной к своему знакомому. Инграм Фризер сидел посередине.

Вскоре возник спор, Фризер и Марло обменялись резкими словами, речь шла о денежных расчетах. Марло в ярости схватил нож, который болтался у его противника на ремне за спиной, выхватил его из ножен и ударил Фризера рукояткой по голове, нанеся поверхностную рану. Фризер успел схватить Марло за руку. В последовавшей схватке, говоря словами того же протокола, Фризер «вышеупомянутым кинжалом стоимостью 12 пенсов нанес названному Кристоферу смертельную рану над правым глазом глубиной два дюйма и шириной один дюйм; от смертельной раны вышеуказанный Кристофер Марло тогда же и на том же месте умер».

Поскольку королева Елизавета находилась в пределах 12 миль от Дептфорда, расследование, согласно закону, было поручено королевскому следователю Данби, который и составил противитированный протокол. В течение длительного времени друзья Марло не знали обстоятельств его трагической гибели, многие считали, что он пал жертвой чумы. По заключению медиков, рана, подобная той, которая описана в протоколе, не должна была вызвать мгновенную смерть. Еще более странной, на первый взгляд, является судьба убийцы. Его первоначально посадили в тюрьму, однако уже через месяц он был помилован Елизаветой на том основании, что действовал в порядке самозащиты.

Подобная королевская милость редко оказывалась так скоро после свершения преступления. Брат умершего в 1590 году министра Уолсингема Томас Уолсингем, бывший другом и покровителем Марло, немедленно принял Фризера к себе на службу, на которой тот находился ранее и оставался еще и 20 лет спустя (причем использовался для выполнения особо «деликатных» и уголовно наказуемых дел).

Интересно также еще одно обстоятельство. В мае 1593 года Роберт Пули уехал из Англии в Гаагу с очередным шпионским заданием. В день, когда был убит Марло, он только возвратился с секретной информацией для сэра Томаса Уолсингема и после встречи с хозяином спешно направился в Дептфорд, в дом Элеоноры Булл, где встретился с Марло, Фризером и Скирсом. Вряд ли это он сделал по собственной инициативе. Однако зачем Марло – в это

время уже не безусому юноше – было проводить время со столь подозрительными и опасными людьми, если он не знал твердо, что они получили приказ оказать ему помощь?

Долгое время в распоряжении историков литературы были только сбивчивые показания современников Марло, передававших ходившие тогда слухи о том, как произошло убийство. В 1820 году один из ученых направил в городок Дептфорд, неподалеку от Лондона, где произошло убийство, письмо к местному священнику с просьбой поискать какие-либо сведения об этом событии в церковноприходских реестрах. (В них записывались рождения, браки и смерти.) В ответ священник прислал выписку, гласившую: «1 июня 1593 г. Кристофер Марло убит Фрэнсисом Арчером». В 1925 году английский ученый Лесли Хотсон отыскал в государственном архиве подлинник заключения, составленного следователем Данби, и приговор присяжных заседателей относительно убийства Марло. Присяжные сочли, что Марло был убит 30 мая 1593 года Инграмом Фризером, действовавшим в целях самозащиты. Убийство произошло в присутствии Скирса и Роберта Пули.

Сторонники кандидатуры Марло на роль Шекспира, конечно, не преминули воспользоваться этим разночтением имени убийцы. Калвин Гофман построил такую, внешне эффектную гипотезу. Марло якобы опасался нового вызова в Тайный совет, пыток, осуждения. Тогда ему на помощь пришел Томас Уолсингем, который инсценировал убийство, причем для этого вовлек в заговор не только своих слуг и подчиненных – Пули, Фризера, Скирса, но и Данби, который провел следствие с непонятной торопливостью, не допросил даже хозяйку дома Элеонору Булл и, главное, взял с потолка имя убийцы «Арчер», лишь потом заменив его именем Фризера. Быть может, убили какого-нибудь заезжего моряка, которого никто не знал в Дептфорде и которого было легко выдать за Марло? Тот же переждал опасное время в имении Уолсингема, потом уехал на континент и в течение долгих лет посылал в Англию пьесы, которые ставились под именем Шекспира.

Остроумная гипотеза, не правда ли? Однако в ней есть один существенный недостаток – она не опирается ни на какие доказательства, кроме того, что произведения Шекспира стали появляться вскоре после 30 мая 1593 года, а также на не относящиеся к делу сходные места в пьесах Марло и Шекспира. Эта теория строится также на домыслах, что в некоторых шекспировских драмах содержится будто бы намек на судьбу Марло и что сонеты, посвященные таинственному «W. H.», в действительности были адресованы Томасу Уолсингему, фамилию которого иногда писали через дефис – Walsing-Ham.

До тех пор пока Гофман и его сторонники не смогут привести хотя бы одно свидетельство, что Марло видели живым после 30 мая 1593 года, их теория основывается на чистой фантазии. По существу, как ехидно заметил один из стратфордianцев, единственное доказательство в пользу авторства Марло сводится к тому, что его убили, а Шекспир остался жить в годы, когда были написаны шекспировские пьесы.

В 1953 году в колледже «Корпус Кристи» в Кембридже, в котором обучался Марло, производился ремонт комнаты, почти не переделывавшейся с XVI века. Под слоем штукатурки, относившейся к более позднему времени, была найдена раскрашенная доска. Тщательное исследование обнаружило, что на ней изображен какой-то молодой человек. Гофман пытается уверить читателя, что это портрет Марло, и вдобавок вполне сходный с портретом Шекспира, приложенным к первому изданию его сочинений.

В шекспировской комедии «Как вам это понравится» шут Оселок заявляет: «Когда твоих стихов не понимают или когда уму твоему не вторит резвое дитя – разумение, это убивает тебя сильнее, чем большой счет, поданный маленькой компании» (буквально – «большая расплата в маленькой комнате») (акт III, сцена 3). В этих словах намек на трагическую сцену в маленькой комнате дептфордской гостиницы видят не только сторонники кандидатуры Марло. Но почему этот намек должен был быть сделан «спасшимся» Марло, а не Шекспиром, который, конечно, слышал об этой трагедии?

Гофман попытался пойти и по еще одному проторенному пути антистратфордianцев – вскрытию могил. После долгих хлопот было получено разрешение разрыть могилу Томаса Уолсингема, где надеялись обнаружить рукописи Марло. В 1956 году могилу раскопали, и разочарованный Гофман вынужден был заявить: «Мы нашли песок, нет ни гроба, ни бумаг, один песок». В прессе иронически отметили, что пустота могилы отлично подчеркнула пустоту теории.

Нечего и говорить, что гипотеза о «заговоре» Томаса Уолсингема носит совершенно искусственный характер: если бы он хотел помочь Марло, то между 20 мая и временем поступления нового доноса в Тайный совет Уолсингем мог без труда организовать его бегство за границу, не прибегая к громоздкой инсценировке убийства. Что же касается различия в фамилии убийцы, то это, как показал еще в 1925 году Лесли Хотсон, было результатом ошибки священника. Он плохо разобрал скоропись елизаветинского времени, принял в фамилии Фризер, записанной со строчной буквы и через удвоенное «ф» (ffrizer), первые две буквы за одно большое «А» и просто домыслил остальные буквы. Так получилась фамилия Арчер. Хотсон приводит в своей работе «Смерть Кристофера Марло» фотокопию записи в регистрационной книге прихода, которая неопровержимо доказывает ошибку священника. В записи, несомненно, видна фамилия Фризер, хотя ему неправильно приписано имя Фрэнсис. Интересно, что, не раз цитируя Хотсона, Гофман усердно обходит этот неопровержимый вывод английского ученого.

Малоубедительны и попытки Гофмана доказать неправдоподобие картины убийства, которую рисует заключение следователя Данби. Там сказано, что во время возникшей ссоры Марло выхватил нож, который Инграм Фризер носил на спине. Эта деталь вызывает град насмешек со стороны Гофмана относительно необычного способа хранить кинжал. Однако показания современников неопровержимо свидетельствуют, что в Елизаветинскую эпоху это было широко распространенной манерой носить оружие.

Гофман уверяет, что у Марло не могло быть ничего общего с такими подозрительными личностями, как Фризер и Скирс. Однако по своему социальному положению они стояли не ниже Марло. Фризер владел некоторой собственностью, Скирс был сыном купца и другом одного из друзей Марло. Гофман обращает внимание и на то, что Фризер после скорого оправдания, а также Пули и Скирс сохранили свои места на службе у покровителя поэта – Томаса Уолсингема. Вместе с тем Гофман упускает из виду одно важное обстоятельство: вся тройка верно служила до этого не Томасу, а Фрэнсису Уолсингему, как и Марло в его молодые годы. То, что Фризер, Скирс и Пули остались на службе, говорит либо об их полезности, в связи с чем Томас Уолсингем и не счел нужным с ними расстаться, либо о том, что действительно был заговор, но с целью не спасти, а покончить с Марло, а Уолсингем и в этом случае выполнял указания властей. Причиной, побудившей избавиться от Марло, мог быть не только его атеизм (как мы помним, самые серьезные обвинения поступили в Тайный совет уже после убийства), но и какие-то столкновения секретной службы с бывшим разведчиком и великим драматургом. А может быть, и боязнь Томаса Уолсингема, что Марло под пыткой выдаст какие-то тайны его и кружка Рали.

Неудачные эксперименты Гофмана не помешали появлению других работ, поддерживавших авторство Марло, одного или в сотрудничестве с кем-то. Примером может служить изданная в 1968 году работа Д. и Б. Уинчкомбов «Действительный автор или авторы Шекспира». В этой книге делается попытка поставить под сомнение факт убийства Марло, утверждается, что драматург был еще более, чем предполагают, вовлечен во многие сражения тайной войны. При этом отдельные интересные наблюдения соседствуют с чистыми домыслами. Авторы обращают внимание на то, с какой быстротой и категоричностью Тайный совет в своем решении от 9 июня 1587 года вступился за Марло, когда на него ополчились в Кембридже за необъяснимое отсутствие. В решении, принятом Тайным советом, – в его составе находился и лорд Берли,

являвшийся одновременно канцлером Кембриджского университета, – говорилось: «Ее Величеству не угодно, чтобы кто-либо, используемый, как он, Марло, в делах, затрагивавших благополучие страны, подвергался опорочиванию со стороны тех, кто не знал, чем он был занят». Обычно считают, что Марло ездил в Реймс для сбора сведений об иезуитах. Но это лишь воспроизведение ходивших тогда слухов, и не исключено, что их сознательно распускали с целью скрыть действительную цель миссии Марло.

Все известное нам о жизни Марло с 1587 по 1593 год говорит о наличии у него приличных средств. Отношение к нему властей оставалось благосклонным. 18 сентября 1589 года Марло должен был драться на дуэли с неким Ульямом Брэдли. Марло пришел на место назначенного поединка со своим другом поэтом Томасом Уотсоном. Брэдли решил сначала скрестить шпаги с Уотсоном, очевидно, считая его более легким противником. Он ошибся – Брэдли, правда, удалось ранить Уотсона, но тот нанес в ответ своему противнику смертельный удар. Через несколько дней власти установили, что Уотсон убил Брэдли в порядке самозащиты. Марло и Уотсона отправили в тюрьму – до очередной сессии суда. Однако Марло выпустили уже через неделю под залог, а Уотсон оставался в тюрьме пять месяцев.

«Поэтический дебют в печати» Кристофера Марло состоялся только в 1598 году, когда через пять лет после его смерти была издана его поэма «Геро и Леандр». Это – первый случай, когда имя Марло вообще появилось в печати (до этого он издавался анонимно). И вот здесь-то, во вступлении, которое писал сам Марло, имеет место потрясающий биографический «прокол» – явно преднамеренная, хорошо продуманная и тонко поданная «утечка информации»: Марло четко дал понять, что эта поэма является продолжением «Венеры и Адониса». Которая вышла под именем Шекспира уже после «официальной» смерти самого Марло. Следовательно, покойник Марло просто не мог быть знаком с текстом поэмы «Шекспира».

Епископская версия

Уинчкомбы не остановились на версии Марло, они выдвинули на роль Шекспира еще двух кандидатов: церковного деятеля, позднее епископа, Джона Уильямса и графиню Пемброк.

Каковы же у епископа права на «шекспировский трон»? Уильямс был близким другом графа Саутгемптона, которому посвящены поэмы Шекспира, участвовал в сочинении кембриджскими студентами пьесы «Возвращение с Парнаса», в которой упоминался Шекспир. Будущий епископ, как и Марло, был знакомым графини Пемброк, портреты Шекспира «возможно» срисованы с портретов Джона Уильямса. Этот почтенный служитель церкви незадолго до опубликования собрания сочинений Шекспира установил дружеские связи с Беном Джонсоном, написавшим, как известно, предисловие к этому изданию. Герб Уильямса имеет «гротесковое подобие» стратфордскому памятнику. Почерк так называемой «Нортумберлендской рукописи», которую бэконисты считают доказательством, что Шекспир – это Фрэнсис Бэкон, оказывается, напоминает почерк Уильямса. Наконец, известно, что бумаги Уильямса сгорели при пожаре в Вестминстерском аббатстве в 1695 году – это ли не свидетельство, что он передал их на хранение для опубликования, видимо, через полвека после своей смерти (Уильямс умер в 1650 году).

Пемброкская версия

Каким же образом в число претендентов попала графиня Пемброк? Оказывается, с нее рисовались... некоторые портреты Шекспира, так, по крайней мере, утверждают сторонники этой версии. Они же приводят и много других аналогичных предположений и «доказательств». Уже в наши дни некая Валентина Новомирова попыталась доказать, что Шекспир – это не просто графиня Пемброк, это «триединая сущность»: мама Пемброк и ее сыновья Уильям и Филипп. Чтобы нас не обвинили в утрировании стиля автора, процитируем фрагмент из ее «доказательства»: «В Англии в эпоху Ренессанса были необыкновенно популярны различного рода словесные каламбуры, акrostихи, высказывания с двойным смыслом и разные другие игры со словами и их смысловым значением [...] Если к имени «Вильям» в псевдониме

«Вильям, Потрясающий Копьем» подойти с этих позиций, тогда оно будет представлять анаграмму имени «Мэри». Хотите – проверьте сами, правила известны, они те же, что и в хорошо нам знакомой «балде»: из букв выбранного слова необходимо составить другие слова.

Все очень просто. В нашем случае нужно только знать то, что знали современники Шекспира, а именно: что Джон Донн, воздавая почести Филиппу Сидни и его сестре Мэри за блестяще выполненный перевод псалмов Давида, назвал их Моисеем и Мириам. Еврейское имя «Мириам» в английском языке имеет свой аналог – Мэри. В английском же написании Мириам выглядит следующим образом: Miriam, и звучит как «Мириэм». Имя «William» звучит как Вильэм, но во времена Шекспира его произносили как Вилиэм. Вилиэм, Мириэм – не тождественно, но похоже. А теперь играем в игру. Играть будем с именем Вильяма Шекспира – как оно представлено на титульном листе Первого фолио – «Mr. William Shakespeares». Преобразуем Вильяма в Мириам, оперируя только имеющимися в наличии буквами: заменим «w» буквой «m», а удвоенное «ll» буквой «г» – для чего-то же буквы «Mr.» здесь пропечатаны! Впрочем, наше преобразование – это только предположение, пример того, как развлекались во времена Шекспира и в какие интеллектуальные игры играли люди в докомпьютерную эпоху. Что же касается Мэри Сидни, то в Первом фолио имеются и более откровенные указания на нее как одного из «шекспиров» – наряду с ее сыновьями Вильямом и Филиппом. [...]

Пока Мэри Сидни была жива, она не допускала никаких разоблачений. Но вскоре после ее смерти, в 1623 году, ее сыновья Вильям и Филипп издали полное однотомное собрание драматических произведений Вильяма Шекспира – Первое фолио. А в нем они привели имена подлинных авторов шекспировского творческого наследия – свои и матери, Мэри Сидни. Но, увы... Опять возникают «если бы». Если бы Вильям Пембрук и Филипп Монтгомери не мудрствовали лукаво, а открыто и прямо назвали вещи своими именами, все встало бы на свои места еще в 1623 году. Но братья, а вместе с ними и известный поэт Бен Джонсон, сообразуясь с духом эпохи и своим изощренным эстетическим вкусом, избрали иной путь. Они отдали предпочтение модной в то время игре смысла и слов. И остались непонятыми».

Оставим на совести автора этого «доказательства» незнание того, что сокращение «Mr.» означает всего лишь «master», то бишь «хозяин», но сам способ превращения белого в черное достоин восхищения. Остается надеяться, что госпожа Новомирова, возможно, писала свой труд 1 апреля.

Кстати, сторонники кандидатуры семейства Пемброк приводят порой и аргументы, звучащие не столь анекдотично, как приведенные выше. Так, один из них, Д. Митчел, ссылается на знаменитую характеристику Джонсоном Шекспира как «нежного лебедя Эйвона». В этом шекспироведы видят прямое отождествление Шекспира-драматурга и Шекспира из Стратфорда-на-Эйвоне. Но может быть Джонсон, чтобы скрыть истину, прибегнул к двусмысленному иносказанию, ведь не исключено, что речь идет о реке Эйвон, протекающей в графстве Уилтшир, мимо Уилтона, резиденции Пемброков? Или, как всем известно, Джонсон упрекал Шекспира, что тот «не вымарывал ни строки», а Джонсон считал правку необходимой. По крайней мере, так всегда было принято понимать это замечание. А вот и нет, утверждают ныне антистратфордианцы, на самом деле это намек на то, что, мол, никто не видел актера Шекспира пишущим или что он попросту снимал копии с чужого текста.

Процитируем, однако, более полно отрывок из Джонсона, о котором идет речь. «Помню, актеры часто упоминали как о чем-то делающем честь Шекспиру, что в своих писаниях (что бы он ни сочинял) он никогда не вымарывал ни строчки. На это я ответил, что лучше бы он вымарал тысячу строк; они сочли мои слова недоброжелательными. Я бы не стал сообщать об этом потомству, если бы не невежество тех, кто избрал для похвал своему другу то, что является его наибольшим недостатком...», и т. д. Где же здесь намек на то, что Шекспир ничего не писал или только переписывал работы других?

* * *

Итак, полемика не прекращается.

Хотя мы считаем, что доказывать чьи-либо, кроме самого Шекспира, права на авторство его пьес значит, попросту говоря, не считаться со всей совокупностью свидетельств того времени. Самое веское из них принадлежит Бену Джонсону – он знал актера Шекспира, регулярно игравшего в пьесах Джонсона; он критиковал экстравагантность шекспировского стиля и отмечал его ошибки, но он же восхвалял его как драматурга, который мог бы потягаться «со всем, что создали дерзостная Греция или надменный Рим».

О Шекспире не сохранилось почти никаких биографических данных; нет и никаких его рукописей. Но он не является исключением; таковы наши знания почти обо всех драматургах – его современниках. Их рукописи также затерялись. Шекспир в глазах современников был одним из известных сочинителей пьес, ставился наравне с другими авторами. Он не являлся для современников тем величайшим, непревзойденным гением, каким по справедливости стал для потомков. Лишь в XVIII и особенно в XIX веке пришла к Шекспиру мировая слава. Понятно, что в течение нескольких поколений, для которых Шекспир «еще не был Шекспиром», его бумаги могли затеряться, как манускрипты большинства других драматургов, живших во время правления Елизаветы I и Якова I. К тому же сочинители пьес занимали в их время крайне низкое место на социальной лестнице. Когда Бен Джонсон издал свои пьесы под названием «Труды», это вызвало насмешки и издевательства. В ту эпоху еще не привыкли к высокой оценке творчества драматургов.

Здесь, между прочим, можно ответить на вопрос, почему Шекспир ничего не говорит в завещании о своих пьесах. Да просто потому, что они ему не принадлежали, что их не было в Стратфорде. Рукописи, конечно, составляли собственность театра, где шли эти драмы и комедии, и должны были храниться в его библиотеке. А отсутствие упоминания книг в завещании отнюдь не говорит, что их не было у него в доме. Исследователи изучили завещания ученых и государственных деятелей конца XVI – начала XVII века. В большинстве книги не упоминаются. Это относится даже к завещанию самого Фрэнсиса Бэкона! Напротив, порой в завещаниях простых йоменов говорится о нескольких книгах. Быть может, еще ранее было решено, что книги Шекспира перейдут к доктору Холлу.

Шекспир был сыном сравнительно зажиточных родителей, занимавших достаточно видное положение среди стратфордских горожан. Поэтому нет оснований считать, что он не посещал местную школу. Конечно, находясь в Лондоне, он должен был самостоятельно пополнять свои знания. Но такой путь был проделан многими другими современными ему драматургами. Книги же вовсе не были тогда так дороги, как полагают антистратфордианцы. Дешевые издания («кварто») продавались по несколько пенсов за томик – по цене, вполне доступной для пайщика театра «Глобус». А в этих дешевых изданиях было опубликовано немало исторических хроник, переводов греческих и римских классиков, географических сочинений и т. п. Изучение пьес Шекспира показывает к тому же, что представление о необычной учености их автора – преувеличение. Все сведения, которые содержатся в них, Шекспир мог почерпнуть из небольшого числа изданных в то время книг, а грубые ошибки, которые ему свойственны, в частности в географии, вряд ли могли быть сделаны высокообразованными аристократами или, например, крупнейшим ученым Фрэнсисом Бэконом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.